

Александр Темной

"Злой" ангел

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Валерьевич Темной

«Злой» ангел

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36068499

SelfPub; 2018

Аннотация

Не твори зло, оно к тебе вернётся, как бумеранг. Не желай зла другим, так как у них есть Ангел-Хранитель, который защищает их. Жизнь главного героя сначала была вполне обычной. Он мог бы стать одним из многих, заурядной личностью, каких миллиарды. Но ему представился шанс стать избранным. Он смог заглянуть за границы дозволенного, смог увидеть ту тонкую грань, за которой кончается жизнь и начинается смерть. Судьба наделила Федора даром, который он считал проклятием. Он не только убедился в том, что у него есть Ангел-Хранитель, но и смог увидеть его в действии...

Содержит нецензурную брань.

«Злой» ангел

Глава 1. Колледж

1

– Почему я должен работать в котельной? – Негодование Феди не было предела.

– Потому, что ты закончил Гневинский Политехнический колледж, – ответил отец, читая газету, и не глядя в сторону Феди.

– А почему я должен работать слесарем? Все, кто со мной учились, все, кого я знаю, устроились работать менеджерами, администраторами, на худой конец ... экспедиторами, а я... – Федя был вне себя от злости.

– А ты будешь работать в котельной. Ты – теплотехник. У тебя образование такое. А потом, будь благодарен мне и за это. Это я договорился с Николаем Владимировичем, и он согласился принять тебя на работу. Если бы ни я, работал бы ты сейчас грузчиком в булочной, и портил бы себе здоровье за копейки. Сам ты бы не смог ничего себе найти подходящего. Я-то знаю, ты ведь у нас бестолковый. Тебя везде облапошат, вокруг пальца проведут. А так ты будешь под приглядом у Коли, всё будет нормально. Поработаешь слеса-

рем, потом станешь оператором котла, карьера пойдёт в гору. Потом, эта работа не для слабаков. Станешь настоящим мужиком, а не таким хлюпиком, какой ты сейчас. И не вздумай отказаться! Поставишь меня в неловкое положение.

– Спасибо, папа! – ответил Федя и ушёл в свою комнату.

Войдя в комнату, Федя включил телевизор, упал на диван. Он долго лежал и думал, глядя в потолок. Работать по специальности? Большого бреда и придумать нельзя. Папе, конечно, хорошо. Он работает заместителем директора, у него есть образование, связи. Ну почему он не смог устроить Федю куда-нибудь в другое место, где платят больше и работа чище? Отец с матерью думают, что ему, Феде, нравится его специальность. Как же они ошибаются! Это им эта специальность нравится. Это они запихнули его в этот Политехнический колледж.

«Будешь теплотехником, никогда без куска хлеба не останешься!» – все четыре года, пока Федя учился, любила повторять его мама, Галина Дмитриевна.

Колледж... Ублюдочный Колледж. Родители даже не представляют, до чего Федя ненавидит это учебное заведение! До чего он ненавидит тех, с кем учился в одной группе.

Нет, Федя не злой. Его учёба в колледже злым сделала. С самого первого дня учёбы в колледже отношения с сокурсниками у Феде как-то не сложились. Федя был небольшого роста, хорошими физическими данными он тоже не обладал. На первом курсе при росте 1 метр 60 сантиметров он весил

48 килограммов, что для мужчины очень мало. В группе он был самым маленьким. Он и в школе был самый маленький в классе, но в школе все к нему привыкли и относились терпимо. К тому же, в школе Федя дружил с Вовкой Киселёвым, жаль, что Вова погиб в то лето, когда Федя поступил в колледж.

С Вовкой Федя дружил с детства. Они жили в одном доме, на одном этаже. Они даже ходили в один детский сад, а потом в школе учились в одном классе. Федя всегда был маленького роста, много читал, поэтому хорошо учился в школе. Вова был прямой противоположностью Феде. Он всегда был высок ростом, физически развит не по годам. Но он был слегка заторможенным и немного отставал в умственном развитии от своих сверстников. Но это не мешало Вова учиться в обычной школе. К тому же, Вова был членом школьной сборной команды по баскетболу и благодаря Дауну, как многие называли Вову, школьная сборная всегда занимала первые места на соревнованиях по баскетболу. Ещё Вова был силен в лёгкой атлетике. Поэтому учителя и директор школы, Зоя Ивановна, закрывали глаза на неуспеваемость Вовы по многим предметам, иногда даже «натягивали» ему оценки.

Вова с Федей взаимно дополняли друг друга. То, чего не хватало Феде, всегда с избытком было у Вовы и наоборот. Можно сказать, что Федя с первого по девятый классы учился за Вову, а Вова обеспечивал безопасность Феде. Это было

взаимовыгодное сотрудничество.

Погиб Вова при очень странных обстоятельствах. В то лето, когда они оба закончили девятый класс, Вова поехал в Минск, там жили его бабушка с дедушкой, а Федя поехал в Тверь, к своим родственникам. Когда Федя в конце августа вернулся в Гневинск, он узнал, что Вова погиб, когда он с друзьями пошёл в лес за ягодами. Там они нашли мину, оставшуюся после Великой Отечественной войны. Только у Вовы хватило ума ударить по мине камнем, чтобы проверить её боеготовность. Раздался взрыв. Вову и ещё троих парней разорвало в клочья, одному мальцу из их компании «повезло». Ему оторвало ноги, но он остался жив. Он на руках полз через лес до автострады, где его подобрал какой-то автомобилист и довёз до ближайшей больницы.

Вову хоронили в закрытом гробу. Вероника, старшая сестра Вовы, рассказывала Феде, что когда они вскрыли гроб, они увидели маленькие куски мяса, насыпанные в гроб вперемешку с землёй. Ни мать, ни отец Вовы, ни сама Вероника не верили, что Вова погиб. Они думали, что это ошибка, что вот-вот раздастся звонок в дверь и на пороге окажется улыбающийся Вова, живой и здоровый.

В тот же вечер, когда Федя приехал из Твери, к нему подошли пять парней из их двора, завели Федю за гаражи и долго избивали. Когда Федя, лёжа на земле и сплёвывая кровь, спросил у своих обидчиков: «За что?», один из нападавших пнул Федю ногой в лицо и ответил: «Нам не нравился Даун,

а сейчас нам не нравишься ты!»).

Тут-то Федя понял, что со смертью Вовы он не только лишился друга, он лишился личной неприкосновенности, он лишился защиты. Только сейчас он узнал, что он не только не умеет драться, он – мелкий уродец, он – чмо, он дожил до пятнадцати лет и не подвергался ни психическому, ни физическому насилию только потому, что Вова был рядом. Сейчас Федя остался один, маленький и беззащитный. Только сейчас он понял, что родителям было всегда наплевать на него. У них всегда были какие-то свои дела, а Федю они не замечали. От этого Феде было больно и обидно.

2

Учёба в колледже началась с неприятных «сюрпризов». Глядя на тех, с кем Феде предстояло учиться четыре года, ему казалось, что произошла какая-то ошибка. Он не мог попасть в одну группу с этими подонками. Если бы этих людей Федя увидел на вступительных экзаменах, он бы сразу забрал документы из колледжа и остался бы в школе. Почему он не продолжил обучение в школе? Да потому, что родители думали, что Федя никогда не поступит после школы в высшее учебное заведение, и его заберут в армию. А, придя из армии, Федя вряд ли сможет продолжать учиться.

«Тогда у тебя начнутся пьянки, гулянки, девки. Там уже тебе будет не до учёбы!» – сказал как-то отец, когда Федя

робко высказал мысль о том, что хотел бы остаться в школе. В группе, в которой Федя учился в колледже, учились всего пять девушек и двадцать пять юношей. Девушки были, как одна, по мнению Феди, страшные. Раньше ему казалось, что девушек страшнее Аллы, его «первой женщины», не бывает, а тут оказалось, что бывают, ещё как бывают! А парни больше походили на зеков, чем на учащихся, все коротко подстрижены, почти лысые, на все спортивные костюмы, все курят, на переменах сидят на корточках и плюют на пол. Там, где они тусовались в коридоре, ожидая, когда откроется кабинет, весь пол был обильно покрыт плевками. Феде иногда даже было противно ходить по коридору. Он аккуратно обходил харчки и сморчки, стараясь не наступить в них.

«Фу, выродки!» – думал Федя, глядя на тех, с кем ему предстояло учиться в одной группе. Осознание того, что эта каторга продлится четыре года, не прибавляло оптимизма. Одногоруппники тоже в долгу не оставались. С первых дней учёбы в колледже Федя был хроническим объектом издевательств и насмешек. В основном, из-за маленького роста.

Фёдор всю жизнь помнил свой первый сексуальный опыт с подругой своей двоюродной сестры, в Твери. Это было тем же летом, когда погиб Вовка. Когда дядя Ваня и тётя Галя с родителями Феди уехали за город, на шашлыки, Федю оста-

вили с двоюродной сестрой, с Дашей. Даша была на два года старше Феди, и, в отличие от него, выглядела «на все сто», как говорилось в каком-то из фильмов, которые Федя тогда смотрел по «видику». У Даши были длинные ноги, большая грудь. Когда Федя с Дашей шли по Твери, все мужчины голодными глазами смотрели на Дашу, многие говорили ей комплименты. Про Федю, чаще всего, спрашивали: «А это что за заморыш за тобой тащится, красавица?».

«Не обращай на них внимания! – говорила Даша. – Через год ты здоровее их будешь. У тебя сейчас подростковый возраст, а в подростковом возрасте возможно всё!»

Что Даша подразумевала под словом «всё», Федя не знал, но догадывался, что под словом «всё» подразумевается не самое лучшее. Ни через год, ни ещё через год здоровее Федя не стал.

В тот вечер, когда квартира Даши была свободна от родителей, она собрала у себя всех своих подруг. Родители Даши вместе с родителями Феди в тот день уехали на дачу. Девчонки купили вина. Через каждые полчаса звонили каким-то парням с просьбой прийти быстрее и принести чего-нибудь покрепче. А парни всё не шли. Закончилось всё тем, что девчонки опьянели от дешёвого вина, заблевали весь балкон и туалет с ванной, заставили выпить Федю. До того дня Федя не пил ничего крепче газированной воды. В тот день он решил попробовать, каково вино на вкус. Он выпил сначала полстакана белого вина, потом столько же красного. В голове

сразу зашумело, закурилось. Где-то внутри взорвалась маленькая бомба, взрывная волна которой согревала тело приятным теплом. На душе стало хорошо, мир вокруг окрасился яркими красками.

На экране телевизора Рембо расстреливал из пулемёта своих врагов.

«Вот это мужик! – с восхищением говорили подруги Даши, – у него должно быть, пушка что надо!»

Тем временем Федя начал приглядываться к подругам. Большинство из них выглядели не на семнадцать, а на все двадцать лет. У всех ладные фигуры, большие, выпирающие вперёд, груди. Федя не рассматривал их как объект сексуальных домогательств, потому, что Даша сразу предупредила его, что у всех подруг есть друзья, физически крепкие взрослые мужики. И потом, Федя знал, что он не фонтан, так что он мог только смотреть на пьяных подруг сестры и завидовать тем мужикам.

«Вот это сиськи! Не то, что у моих одноклассниц!» – думал Федя. Ему уже было всё равно, чем на экране телевизора занимается Рембо. Он был поглощён созерцанием девичьих прелестей.

После очередной порции алкоголя, Федя почувствовал себя суперменом. Он, как мог, развлекал дам, рассказывал им пошлые анекдоты. А мужчины всё не шли.

Вдруг к Феде подседа Аллочка, самая страшная из подруг сестры. Та, на которую Фёдор поначалу не обратил внима-

ние. Аллочка была небольшого роста, с большой грудью и широкими бёдрами. Лицом она тоже была некрасива. Даже большая грудь не скрашивала её недостатков. Увидев её в первый раз, Федя подумал, что она похожа на избушку на куриных ножках. Позже Федя скажет, что она ужасна.

Аллочка весь день курила на балконе и блевала в туалете. Он неё пахло табаком и рвотой. Весело смеясь, она запрыгнула Феде на колени, прижала Федину голову к своим неохватным грудям. И тут – то Федя посмотрел на Аллу совсем другими глазами. После маленького глотка вина Алла вдруг превратилась в принцессу. Федя начал целовать её грудь, рукой гладил её толстые бёдра, рука всё глубже залезала под мини – юбку. А потом Федя решился поцеловать Аллу в губы. Он уже не чувствовал неприятного запаха у неё изо рта. Для него она была королевой, богиней.

– Хватит меня по-детски целовать. Давай по взрослому, – прошептала Алла и засунула Феде в рот свой язык. Федя поначалу испугался, но потом принял её правила игры. Ему это даже стало нравиться.

Когда Феде надоело целоваться «с языком», когда он увидел, что Надя и её подружки смотрят на них, странно улыбаются, Федя взял Аллу на руки и понёс в спальню. Однако, сделав пару шагов, Федя понял, что погорячился. Вес Аллы был явно больше, чем он предполагал. Почти бегом, стараясь не уронить ношу, Федя добежал до спальни, толкнул дверь ногой. Руки задеревенели. Федор чувствовал, что покраснел,

как рак и силы покидают его тело. К счастью, кровати находились недалеко от входа, и Федя уронил Аллу прямо на кровать, чему был очень рад.

– А ты Дон Жуан! – с улыбкой пропела Алла, расстёгивая блузку. Под блузкой Федя увидел большие белые груди с торчащими сосками, обрамлёнными коричневыми кругами.

Тяжело дыша, он начал расстёгивать ширинку на своих джинсах. Спустив джинсы до колен, он потерял равновесие и упал на Аллу. Дальше произошло то, чего Федя никак не ожидал от семнадцатилетней девушки. Нет, он неоднократно фантазировал перед сном. Представлял, каким будет его «первый раз», но того, что было дальше, он даже в «порнушках» не видел. Сначала Алла подмяла Федю под себя, потом схватила его вздыбленную плоть и стала её облизывать. Фёдору это не понравилось. Для него это было верхом распутства. Он чего угодно ожидал от своего «первого раза», только не этого.

Потом Алла уложила Федю на кровать, взяла Федино «малыша» двумя пальцами, как сигару, погрузила его во что-то влажное и тёплое и стала прыгать на Феде, как наездник на лошади. Федя в ужасе смотрел на Аллу снизу вверх, видел её колышущийся дряблый живот, её подпрыгивающие большие груди, похожие на бурдюки, наполненные водой. Фёдор чувствовал сильное возбуждение, но в процессе совокупления он начал трезветь. Алла уже не казалась ему красивой и желанной, Феде хотелось встать с кровати, скинуть с себя

эту тушу, но с другой стороны, ему хотелось закончить начатое. Поэтому Федя закрыл глаза и представил, что он не с Аллой, а с Самантой Фокс, или с Сабриной. Самое удивительное, что это помогло. Лёжа с закрытыми глазами, Федя ласкал руками рыхлое тело Аллы. В какой-то момент он перестал чувствовать тяжесть на своём теле, неприятный запах изо рта своей подруги и стал куда-то падать. Он падал куда-то вниз, в любую секунду ожидая приземления. Ощущение было странным, а главное, новым. Фёдор никогда ничего подобного не испытывал. Открыв глаза, Федя увидел свиное рыло над своим лицом. На нём сидела большая настоящая свинья. Она похрюкивала. Федя увидел клыки, торчащие из её пасти, ощутил жёсткую щетину под пальцами рук, почувствовал её неприятный запах.

Руки Феде лежали на сосках этой свиньи, всего их было не меньше десяти. Федя попытался отдёрнуть руки, но увидел, как его руки горят, превращаясь в пепел. Одновременно с этим Федя почувствовал, как его захлестнула волна удовольствия, а потом Федя увидел мощный взрыв. Яркая вспышка ослепила его, он ощутил, как его тело разлетается на мелкие кусочки.

– Нет! – крикнул Федя.

– Ах, ты, скорострел мой! – услышал Федя голос Аллы.

Открыв глаза, он увидел некрасивое лицо Аллы, склонённое над ним, почувствовал, как содрогается его тело. Вокруг тела Аллы Фёдор увидел тёмно-коричневое свечение.

Она, как будто, была покрыта тёмно-коричневой оболочкой. С каждым сокращением мышц живота он чувствовал, как что-то приятное расходится по телу. Эпицентр этого удовольствия был где-то под животом. Когда волна наслаждения отхлынула, падение вниз прекратилось. Тёмно-коричневая оболочка вокруг Аллы исчезла. Федя обмяк.

– Я по-настоящему кричал, или мне это показалось? – хриплым голосом спросил Федя.

– Ты орал, – ответила Алла, слезая с Фединога тела. При этом Федя ощутил облегчение. – Ты знаешь, я, конечно, догадывалась, что у тебя это первый раз, но я никогда ни у кого не видела... ни от кого не слышала, чтобы мальчишки так кончали!

– Что бы мальчишки что? – не понял Федя.

– Кончали... Забудь об этом! – Алла села на край кровати и стала застёгивать свою блузку.

– Спасибо, Алла! – прошептал Федя. Когда-то он читал в каком-то журнале про мужской оргазм, но он не думал, что его оргазм, оргазм пятнадцатилетнего парня, может проявляться так странно, с реалистическими картинками и с ощущением падения. Он всё ещё не мог придти в себя. Он лежал на кровати и рассматривал потолок, прислушиваясь к своим новым, странным ощущениям.

– Ты тоже молодец... Удивил меня! – Алла встала с кровати и направилась к выходу из спальни. На её светло-серой юбке сзади расплылось тёмное пятно, словно Алла только

что сидела на чём-то мокром.

Неизвестно, сколько бы Федя пролежал на кровати, тяжело дыша и рассматривая потолок, если бы не прозвенел дверной звонок. Федя сразу вскочил с кровати, отметив головокружение.

«Это дядя Ваня и тётя Галя! – с ужасом подумал Федя. – Нужно быстрее убираться отсюда. Что они подумают, если увидят меня здесь?»

Фёдор поправил покрывало большой двуспальной кровати и выскочил из спальни. Оказалось, что это пришли парни, которых весь день ждали Надя и её подруги. В коридор ввалились четверо сильно пьяных типов. Заплетающимся языком, обильно сдабривая свою речь матюгами, один из парней рассказывал Даше о том, что они были у тех, у других, заехали ещё в одно место, а водки так и не купили, так как деньги закончились.

– А где Славик? – спросила Дарья.

– Как это «где»? Дома он, спит. Столько выбухал за день... – С этими словами молодой человек, которому, по мнению Феде, было не меньше двадцати лет, шатаясь, прошёл в туалет, откуда потом Фёдор услышал рычащие звуки.

Остальные трое гостей прошли в гостиную, стали целовать и обнимать Дашиных подруг, рассказывать им о сегодняшних своих приключениях. Из туалета вышел тот, кого все называли Артуром. Вытирая рукавом «варёной» джинсовой рубашки подбородок, Артур подошёл к Алле, поцело-

вал её в губы. Федя вспомнил, что Алла делала своими губами с его членом, и поморщился. Артур что-то шепнул на ухо Алле и они исчезли в спальне.

Феде сразу стало скучно. Попрощавшись с теми, кто сидел в гостиной, Федя вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь.

Идя по улице и насвистывая «ламбаду», Фёдор вспоминал события сегодняшнего дня и пришёл к выводу, о том, что видения, которые его сегодня испугали, были вызваны не чем иным, как последствием приёма алкоголя. Раньше он никогда не пил вино, а сегодня выпил, наверное, больше двух стаканов, а это по Фединым меркам, было много. Ещё Федя зарёкся никогда больше не пить спиртное, хотя данное себе обещание он через год нарушил.

Через три дня Федя с родителями уезжали в Гневинск. На вокзал их пришли провожать Даша, Ваня и тётя Галя. Стоя в вагоне и глядя на них через пыльное стекло, Федя вдруг заметил Аллу. Она подошла к Даше, что-то спросила у неё. Даша засмеялась, показала рукой в сторону вагона. Увидев Фёдора, Алла заулыбалась, стала махать ему рукой. Федя опустил створку окна, помахал рукой в ответ.

– Федя, ты классный парень! – кричала Алла. Приезжай следующим летом! Пиши письма, у Дашки есть мой адрес, я у неё твой попрошу...

– Хорошо! До свиданья, Аллочка! – прокричал в ответ Федя и поезд тронулся.

Глядя на стоящую на перроне Аллу, Федя думал о том, какая он некрасивая, какая толстая. До чего же у неё кривые и короткие ноги и как ему, Феде удалось с ней переспать? С ней? Да, он сам далеко не супермен, ну как его так угораздило? В тот момент он дал себе слово никогда и никому об этом не рассказывать. Его изнасиловала свинья, ему было стыдно.

4

Приехав в Гневинск, Фёдор очень расстроился, узнав о смерти Вовы Киселева, а когда Федя узнал, что Вова взорвался, ему вдруг стало страшно. Он до сих пор отчётливо помнил взрыв, который увидел, который испытал.

У Вовы был старый пёс породы «боксёр», по кличке Чарли. Сколько ему было лет, ни Фёдор, ни родители Вовы не знали. Единственное, что Федя знал, так это то, что пёс был взрослым уже тогда, когда Федя с Вовой ходили в детский сад. Значит, Чарли было не меньше десяти лет, о чём свидетельствовала седина на его морде.

Мама Вовы, Нина Ивановна, после его похорон жаловалась Фединой маме на то, что после смерти Вовы пёс воет по ночам, отказывается есть, ведёт себя как-то странно, рычит на всех.

Однажды, это было после того, как Вову избili во дворе, он встретил Нину Ивановну, гуляющую во дворе с Чарли. Заметив Федю, Чарли стал прыгать, радостно лаять им,

вилять обрубок хвоста. Глядя пса по рыжей шерсти, Фёдор отметил, что пёс сильно исхудал. Федя не мог без жалости смотреть на его сильно выпирающие рёбра.

– Здравствуй, Федя! – произнесла Нина Ивановна. – Смотри, как оживился Чарли, когда тебя увидел! Я – то думала, что он уже подыхает, а у него ещё есть силы. Как учёба в колледже?

– Нормально. Мне нравится, – соврал Федя. – Можно я с Чарли погуляю во дворе?

– Погуляй, если получится. Он в последнее время от подъезда не отходит. Ждёт, когда Вова придёт...– Глаза Нины Ивановны увлажнились, она тут же достала из кармана плаща носовой платок и вытерла слёзы.

Федя взялся за кожаный поводок, обмотал его вокруг кисти, как учил его Вова, и они с Чарли пошли. Гулять с Чарли было приятно. Как-никак, Чарли сейчас был связующим звеном между настоящим и прошлым, живым напоминанием о единственном друге, который когда-то был у Феди. Фёдор чувствовал силу, с которой пёс тянет его. Чарли через каждые десять метров метил территорию, задрав заднюю лапу, и всё время оглядывался на Федю, как бы проверяя, не потерялся ли он.

Некоторые пацаны и девчонки во дворе, увидев Федю с Чарли, спрашивали про Вову. Федя им ничего не отвечал и шёл дальше.

–Эй, пацанчик! Это же собака Вовчика! Почему Даун со

своей собакой не гуляет?— спросил какой-то верзила из соседнего дома, имя которого Федя не знал.

— Потому, что не может...

Федя не знал почему, но от любых воспоминаний о Вове, от размышлений о смерти у него наворачивались слёзы на глаза. Поэтому, чтобы не расплакаться, Федя про смерть Володи никому не говорил. Кому нужно, те всё узнают в своё время.

Когда через двадцать минут Федя с Чарли подошли к подъезду, Федя увидел свою маму, стоящую рядом с Ниной Ивановной. Они что-то обсуждали. Глаза мамы тоже были влажными, а в руке она сжимала носовой платок.

— Вот, смотри! — Нина Ивановна махнула рукой в сторону Феде с Чарли. — Они отлично ладят. Галь, может, вы его к себе возьмёте? Не могу я с ним, он меня не слушается. Надо бы усыпить его, да жалко. Мы ведь его Вовке покупали, а сейчас...

Нина Ивановна опять прижала платок к глазам

—Мам, можно я возьму Чарлика себе? — спросил Федя, глядя маме в глаза.

—Нет! Ты что? Как мы будем жить втроём, в двухкомнатной квартире, да ещё с этим зверюгой? — Глаза Галины Дмитриевны округлились от ужаса.

Когда Фёдор, две женщины и Чарли выходили из лифта, Чарли упорно не хотел заходить в квартиру Киселёвых. Он рвался к Феде, громко лаял. Если бы он не был таким исто-

щённым, он бы порвал поводок. Нине Ивановне стоило больших сил затащить пса в квартиру и закрыть за собой входную дверь.

В тот же вечер состоялся разговор с отцом. Отец был против того, чтобы Чарли жил у них.

– Я, конечно, понимаю, что ты хорошо знаешь Чарли, он тебя знает, так как ты с детства дружил с Вовой, но нас-то Чарли не знает, мы его не знаем. Я просто боюсь того. Что в один прекрасный момент Чарли набросится на меня, или на маму и искусает нас. У него вон, какие зубы.

– Пап, ну... под мою ответственность, пожалуйста! – пытался канючить Федя.

– Нет! – ответил отец и раскрыл газету, как бы отгородившись ею от Феди и давая понять, что разговор окончен.

В ту ночь Чарли громко и протяжно выл, не давая спать ни Киселёвым, ни родителям Феди. Однако, Федя не слышал собачьего воя. Он крепко спал. Ему снился Вовка. Вовка шёл по лесу в компании нескольких ребят. Двое были Фединога возраста, остальные – немного младше. Вовка кажется намного старше всех и выше ростом. В руках у всех корзинки, у Вовки в руках трёхлитровый молочный бидон с нарисованными на нём вишенками. Парни разошлись в разные стороны, Вовка присел на корточки перед бугорком, поросшим кустиками земляники и черники, собирает чёрные и красные ягоды, аккуратно кладёт их в бидон.

Федя чувствует запах леса, слышит, как щебечут птицы. В

глаза светит яркое солнце, лучи которого пробиваются между верхушками деревьев.

Оборвав все ягоды, Вова встаёт, выходит на узенькую тропинку.

– Пацаны! Где вы?– Он кричит во всю мощь своих лёгких.

– Здесь! Иди сюда! – слышится голос откуда-то издалека.

Вовка идёт на звук голоса, цепляется за что-то ногой, падает.

– Ах ты, чертова жестянка! – Вова встает и отряхивается. Прихрамывая, он подходит к тому месту, где только что за что-то запнулся. Присмотревшись, он замечает торчащий из-под земли ржавый кусок металла. Потом Вова достал из кармана перочинный нож, разрыхлил им землю. Вова работал руками и ножиком, постепенно из-под земли стал проявляться округлый ржавый предмет, похожий на консервную банку из сельди. Вова потянул этот ржавый предмет на себя, полностью вытащив его из земли.

– Тяжёлая, блин! – проговорил Вова, рассматривая находку. – Пацаны! Идите сюда! Я клад нашёл!

Из леса выходят парни, со всех сторон окружают Вовку.

– Это что за консервная банка? – спрашивает Вова. – Может, там внутри драгоценности, деньги?

– Нет, это не клад! Это не банка, – говорит светловолосый парень, лицо которого покрыто веснушками.

– А что это? – недоумевает Вова.

– Это мина! – произнёс один из парней, стоящий за спи-

ной Вовы.

– Да ладно врать-то, так уж я тебе поверил? – усмехается Вова.

– Это у вас, в Гневинске во время войны было тихо, а у нас, в Белоруссии немцев знаешь, как много было? Мне отец рассказывал, как он, когда мальчиком был, с родителями в лес ходил и видел скелеты немецких солдат, в форме, в касках. Эти мины от них остались. Давайте уйдём отсюда?

– Кому ты заливаешь? – не унимается Вова. – Я бы уже давно взорвался, если бы это мина была! Я на неё ногой наступил, я её из земли выкапывал... Она уже давно рванула бы.

Вова поднял с земли увесистый камень. Федя в это время был и за Вовой, и над Вовой. Он, как будто парил в воздухе и его никто не видел.

– Вова, брось камень! – крикнул Федя.

Но Вова, словно не слыша Федю, размахнулся и ударил по mine. Ничего не произошло. Вова оглянулся по сторонам.

– Я же вам говорил, никакая это не мина! – На лице Вовы застыла хитрая улыбка.

– Вовка, беги оттуда! Вовка! – Снова кричит Федя, но его никто не слышит.

Вместо того, чтобы уйти, как можно дальше от того места, Вовка размахнулся и ещё раз ударил камнем по mine. Раздался оглушительный взрыв. У Феди заложило уши. Сначала Фёдор увидел яркую вспышку, потом он увидел, как тела

Вовки и трёх его друзей разорвало в клочья. В воздух полетели комья земли, камни, молодые берёзки, ели. Взрывная волна повалила несколько деревьев и отшвырнула парня с веснушками метров на двадцать. Потом какое-то время было тихо, даже птицы замолчали.

И вдруг веснушчатый парень зашевелился. Он обхватил руками свои окровавленные культы, с торчащими из них белыми костями, обрамлёнными кровавыми ошмётками мяса, и стал громко кричать. Такого дикого вопля Федя ещё никогда в жизни не слышал. Федя был рядом с тем парнем, и над этим парнем. Он видел кровь на его разорванной одежде и на лице.

Парень кричал и полз, хватаясь руками за траву и корни деревьев, оставляя за собой широкий кровавый след. Кричал и полз. Зрелище было ужасным.

Внезапно Федя проснулся. Ему показалось, что кто-то его толкнул. Открыв глаза, он услышал вой Чарли за стеной и в лунном свете, бьющем из окна, он увидел Вову, стоящего у его кровати. Вова стоял и смотрел на Федю виноватыми глазами.

– Вова, – прошептал Федя – Вова!

Вова ничего не ответил. На нём была та же футболка, те же «варёные» джинсы, которые были на нём, когда Федя видел его в последний раз. Внезапно лунный свет померк. Вероятно, тучи закрыли луну. Когда луна снова осветила комнату Феди, Вовы уже не было.

– Вова! – ещё раз позвал Федя, но ответа не последовало.

Феде вдруг стало страшно. Он точно знал, что Вову недавно похоронили, а мёртвые не возвращаются. Завернувшись в одеяло, Федя сидел на кровати, слушая приглушённые завывания Чарлика, и не мог заснуть. Он, как замороженный, смотрел в то место, где он видел Володю, надеясь снова его увидеть. Но Вова больше не появлялся и под утро Федя заснул крепким сном, без сновидений.

5

Когда на следующий день Федя возвращался домой из колледжа, настроение у него было упадочное. Федя весь день хотел спать, был вялым и сонным. Первая половина дня прошла как обычно: скучные лекции, насмешки одноклассников, на которые Фёдор старался не обращать внимания. Поначалу его раздражало то, что многие над ним смеются, обзывают дрищём, дистрофиком. Но потом Федя понял, что они это делают не от большого ума, и перестал обижаться на оскорбления. Что он мог им сделать? Запугать их? Затаскать по судам? В данной ситуации Федя пришёл к выводу, что лучше всего терпеть. Когда им надоест, они сами от него отстанут.

Первая пара, математика, началась с того, что преподаватель, Мария Степановна, вызвала к доске Катю Першину. Катя должна была решить задачу. Когда Катя открыла доску,

оказалось, что вся доска была исписана нецензурными выражениями в адрес Феди. «Федя-уродец», «Федя-дебил» были самыми культурными эпитетами. Вся группа стала смеяться. Только Феде было не смешно. Он сидел за первой партой и чувствовал, что краснеет. Ему было до слёз обидно, но он из последних сил держался и делал вид, что ничего не произошло.

Перед третьей парой, когда Федя зашёл в туалет, там в это время находились трое его сокурсников: Сергей Скурихин, Ваня Палкин и Дима Шестаков.

–О, смотрите, Игнатьев идёт! – Рот Палкина растянулся в дебильной улыбке.

Федя никак не прореагировал на его реплику. Прочувшись в колледже всего месяц, Фёдор уже знал, что если Ваня так улыбается, значит, он сейчас сделает какую-нибудь гадость.

–Дрищ, у тебя сигареты не найдётся? – спросил Шестаков, дождавшись, когда Федя закончит справлять нужду.

–Ты же знаешь, что я не курю, – спокойно ответил Федя, направляясь к выходу.

–Ну-ка подожди, у тебя там что-то... – Скурихин, подошёл сзади к Феде, развернул его лицом к своим друзьям.

–Ничего у меня там нет, – ответил Фёдор. Он знал, что они что-то затевают и ему хотелось поскорее выйти из грязного, вонючего туалета.

–У тебя кровь из носа идёт! – Скурхин размахнулся и уда-

рил Федю кулаком в нос.

Когда Федя согнулся, схватившись рукой за кровоточащий нос, Шестаков ударил его грудь, от чего у Феди перехватило дыхание. Потом удары посыпались со всех сторон. Его били по лицу, по бокам, по спине. Федя, как мог, закрывался руками, но большинство ударов достигли своей цели. Когда Федя упал на пол, его стали пинать ногами. Избиение закончилось также быстро, как и началось. В туалет вошёл крепкого телосложения старшекурсник.

– Пацаны, вы что делаете? Втроём на одного! Так даже отморозки не... – Он не успел договорить. Шестаков, Палкин и Скурихин оставили Федю и направились к выходу.

– Как ты не вовремя! И лезешь тут не в своё дело, – пробормотал Палкин.

– Что? Это ты мне? – спросил его старшекурсник, но Палкин оставил его вопрос без ответа и вышел из туалета.

Старшекурсник помог Феде встать на ноги, промокнул водой носовой платок.

– На, вытрись. У тебя вся рожа в крови!

– Спасибо, – прошептал Федя.

– За что они тебя так отделали? – спросил старшекурсник, глядя голубыми глазами на Федю. В его глазах Федя увидел жалость.

– Им же нужно на ком-то вымещать зло. Они ведь идиоты!

– Это ты верно подметил. Нормальные пацаны так бы никогда не поступили, – в глазах старшекурсника появились

искорки злости. – Ненавижу таких. Кстати, меня зовут Рома.

Рома протянул Феде руку.

– Я – Фёдор, – Федя пожал Роме руку, отметив про себя, что ладонь у Ромы твёрдая, как камень. Если бы Рома сжал руку чуть сильнее, он бы запросто мог сломать Феде руку.

– Ты – боксёр? – поинтересовался Федя.

– Нет, тяжелоатлет. Я штангой раньше занимался. Сейчас учусь на третьем курсе, на отделении программирования. Если что – обращай ко мне. Сейчас иди домой, приводи себя в порядок. Если останешься, после лекций эти уроды захотят продолжить разговор. Тогда тебе точно будет тяжело!

Федя кивнул головой, прижав мокрый платок к переносице. Рома похлопал его по плечу и вышел в коридор.

Федя сделал так, как ему посоветовал Рома. Он зашёл в кабинет. Там полным ходом шла лекция по информатике, извинился перед преподавателем, Николаем Сергеевичем, собрал свои вещи и вышел из аудитории, чувствуя на себе удивлённые взгляды сокурсников. Николай Сергеевич никак на это не прореагировал. Как только Фёдор закрыл за собой входную дверь, Николай Сергеевич продолжил лекцию.

6

Выйдя из туалета, Шестаков, Палкин и Скурихин пошли в аудиторию. Им не хотелось сидеть на информатике, но они планировали закончить начатое. А ещё всем троим хотелось

посмотреть, как будет на лекции себя вести Игнатъев. Палкин и Шестаков обычно сидели за последней партой, Скурихин обычно сидел один, перед Ваней и Димой. Это давало им возможность общаться даже на лекциях.

–Классно мы его круто отметили, – прошептал Скурихин.

–Жаль, что этот боров нам помешал. Я только собрался пнуть Дистрофика в грудину, тут этот чувак заходит. Блин, я даже расстроился! – Ваня Палкин сжал руку в кулак и ударил себя по коленке.

–Да, нормально... Ему и этого будет достаточно. Он сейчас будет бояться в туалет войти, – с улыбкой на лице сказал Дима, и все трое загоготали.

В это время в кабинет вошёл Николай Сергеевич и начал лекции.

–Завёл свою шарманку, чёрт плешивый! – прошипел Сергей и все опять засмеялись, зажав рты ладонями.

– Это что там за смех на последних столах? – гневно спросил Николай Сергеевич. Смех умолк, Николай Сергеевич продолжил рассказывать. Только ни Сергею, ни Ване с Димой постигать азы информатики было неинтересно. Они смотрели на первую парту, за которой всегда сидел Федя Игнатъев. Он всегда сидел один. Сейчас его место пустовало. Только конспект и ручка лежали на столе.

– Может, он в милицию пошёл, или пошел преподам жаловаться? – прошептал Дима с тревогой в голосе.

– Да не скули ты, Шест. Даже если он кому-то пожалуется, никто ему не поверит. Свидетелей-то нет. В любом случае, получит ещё добавку, – вполголоса ответил Ваня.

– А тот бугай? – спросил Серёга.

– И с ним мы разберёмся – спокойным голосом ответил Ваня.

Дверь кабинета открылась. На пороге стоял Дрищ. Его слегка пошатывало. На его левой щеке и под правым глазом багровели большие синяки. Дрищ дошёл до своего места, сложил конспект и ручку в пакет, на котором был изображён Жан-Клод Ван Дамм. Николай Сергеевич замолчал, глядя на Игнатьева удивлёнными глазами.

– Я себя плохо чувствую, Николай Сергеевич. Можно, я пойду домой? – тихим голосом спросил Игнатьев.

Николай Сергеевич ничего не ответил, только еле заметно кивнул головой, и Федя вышел, прикрыв за собой дверь.

– Ни фиги себе. Этого я от него не ожидал, – прошептал Сергей.

– Ничего, завтра мы всё равно его увидим! – успокоил его Ваня.

После лекций все трое решили отдохнуть в сквере на улице Ленина. Погода была хорошая. Щebetали воробьи, под ногами шелестела опавшая листва. Закадычные друзья проверили свои финансы. Денег было немного, только на три бутылки пива и на пачку сигарет. За всем этим отправили в продуктовый магазин Диму Шестакова, так как он выглядел

старше. Если бы в магазин пошли втроём, им бы не продали ни пиво, ни сигареты, потому что Палкин и Шестаков не были похожи на совершеннолетних. Сергей с Иваном остались сидеть на скамейке. Ещё они опасались, что если пойдут все вместе, скамейку кто-нибудь займёт, так как народу в сквере было много, и все остальные скамейки были заняты. Где они будут пиво пить, если не на скамейке?

Димы не было минут десять. Когда парни стали терять терпение, Дима вышел из магазина, держа в руках три бутылки «Жигулёвского».

– Ты где так долго был? – спросил Ваня, глядя на бутылки с пивом.

– Мы уже волноваться начали, – добавил Сергей.

– Очередь большая была, – ответил Дима, присаживаясь на скамейку и раздавая друзьям бутылки.

– Сигареты купил? – поинтересовался Ваня.

– Конечно, купил. Правда, только на «Космос» хватило.

– Это лучше, чем «Прима», – с видом знатока сказал Сергей, и все трое засмеялись.

Они сидели на скамейке минут тридцать. За разговорами, за анекдотами время пролетело быстро. Обсуждали сокурсниц, выяснили, что самая красивая у них Света Золотарёва, а остальные – так себе. Ещё раз вспомнили, как отлупили Дрища, посмеялись.

– Завтра нужно будет опять его в туалет затащить и макнуть головой в унитаз! – предложил Сергей. Ваня с Димой

одобрительно закивали головами.

– Ну что, я думаю, нужно сходить до кустов и отлить, – сказал Ваня, вставая со скамейки.

– Да, надо бы. Меня тоже что-то прижало, – Дима поморщился, держась рукой за ширинку джинсов, которые ему недавно привёз отец из Москвы.

Все дружно покинули сквер, пошли во дворы, чтобы найти подходящие кусты, но, увидев гаражный массив, устремились к нему.

В одном месте гаражи сходились под углом, образовав треугольный закуток, в который зашли ребята. У входа в закуток рос тополь, так что ни прохожие, ни милиция не могли заметить, что пацаны справляют нужду в общественном месте. Судя по запаху, этот закуток давно использовался для оправления нужд.

– Как удобно... – проговорил Ваня – Как будто специально сделали, чтобы отливать можно было.

– Ты, главное, под ноги смотри, а то наступишь во что-нибудь, кроссовки никогда не отмоешь, их выкидывать придётся, – Серёга громко заржал.

– Пацаны, а вы что тут делаете? – послышался незнакомый голос от входа в закуток.

От неожиданности все трое вздрогнули. Дима даже умудрился надуть себе на штанину. Заметив тёмное пятно на новых джинсах, он выругался. Серёга, Дима и Ваня синхронно повернули головы на звук голоса. В узком проходе стоял ши-

рокопечий бородастый мужик в грязной рваной куртке и в спортивных штанах, зашитых на коленях. На его ногах были коричневые ботинки, обутые на босые ноги.

– А ты что, не видишь? – спросил Дима, застёгивая ширинку.

Ваня с Серёгой тревожно переглянулись. Что-то странное было в этом бомжеватом мужике. Как-то нагло он себя вёл.

«Не к добру это!» – подумал Ваня.

– А ты что, сопляк мне грубишь? Тебя что, мама с папой не научили, как со взрослыми нужно разговаривать? – Мужик подошёл к Диме и ударил его кулаком в челюсть. Удар был настолько сильным, что Дима упал на спину. Немного полежав, Дима поднял левую руку, рассматривая свою ладонь, которая была выпачкана в чём-то коричневом.

– Ты что, мужик? Я из-за тебя в говно вляпался! Ты что себе позволяешь? – Дима пытался изобразить злость, но Ваня с Серёгой услышали лишь испуганное повизгивание. Дима попытался встать. Мужик размахнулся ногой и пнул Диму в грудь своим грязным ботинком. Дима опять упал на спину, схватился руками за грудь и захрипел.

– Мужик, ты в конец охренел? – спросил Ваня, встав между бомжем и Димой. Серёга, сжав кулаки, стоял рядом.

Бомж обхватил рукой шею Вани и ударил его головой в переносицу. Послышался треск, как будто кто-то наступил на сухую ветку. Ваня, схватившись правой рукой за лицо, опустился на колени. Между пальцами у него сочилась кровь.

Мужик сделал замах ногой и быстрым сильным ударом пнул Ваню в лицо. Ваня вскрикнул и отлетел в тот угол, в котором минуту назад справил нужду.

– Я вас, суки, научу, как ссать на мой гараж! Вы у меня сейчас своё дерьмо жрать будете! – Сжимая и разжимая мозолистые кулаки, кричал мужик, глядя на лежащих на земле Диму с Ваней.

– Извините, мы больше не будем... – Сергей попытался исправить положение, но сразу же получил сильный удар рукой в живот и второй удар в челюсть. Вторым ударом шёл снизу вверх. От этого удара Сергея подбросило и опрокинуло на спину. В голове зашумело.

– Вася, что там? – За спиной мужика появились ещё двое таких же грязных, оборванных, бородатых мужика. Судя по запаху, исходящему от них, они не мылись, как минимум год, и всё это время пьянствовали.

– Да вот нашёл тут трёх ссыкунов. Оскорбляли меня, я их немного манерам научил.

Бомжи засмеялись.

– Товарищи, отпустите нас! Мы больше не будем! – подал голос начавший приходить в себя Дима.

– Какие мы тебе товарищи? Гусь свинье не товарищ! – со злостью в голосе просипел один из бомжей и ударил Диму кулаком в скулу. На скуле сразу же отпечатались костяшки кулака. Удар был не таким сильным, как у Васи, поэтому Диме удалось устоять на ногах, ухватившись руками за ржавые

стены гаражей.

– Я думаю, нужно с ними ещё в гараже поговорить, растолковать им, что к чему! – Вася посмотрел на своих пьяных друзей. – Берите их, мужики. В гараж их.

Бомжи грубо схватили парней и стали вытаскивать их из закутка.

– Вы не имеете пра... – Ваня пытался упираться, но, увидев у входа в закуток ещё двух таких же оборванцев, замолчал.

– Я сейчас тебе покажу, придурок, что я имею, – бомж, который тащил Ваню, грубо схватив его за воротник спортивной куртки, ударил Ваню кулаком в лицо.

Бомжи завели Ваню, Серёгу и Диму в гараж. Когда все вошли в гараж, бомж, который шёл сзади, захлопнул дверь, закрыв её на мощные запоры. В гараже горела лампочка, освещающая гараж тусклым светом. В гараже не было машины, зато весь пол гаража был устлан грязными матрасами, тряпками, ржавыми консервными банками, пустыми бутылками и мусором. Под потолком был приварен толстый металлический швеллер. В дальнем углу стоял деревянный ящик, на котором стояла бутылка водки и банка квашеной капусты. Дима вспомнил, что капусту в точно таких же банках продавала бабуля прямо напротив их колледжа. Напротив ящика, на куче тряпья, сидела женщина лет пятидесяти, в рваной телогрейке и с большим синяком под глазом.

– О, мля! Зырьте, кто к нам зашёл. Молоденькие, краси-

венькие. Давно, мля, мою щель молодые не лизали.

– Отпустите нас, пожалуйста! Мы никому не пожалуемся, мы знаем, что мы неправы... – канючил Ваня, размазывая кровь и слёзы по лицу.

– Заткнись, гадёныш! – прохрипел один из бомжей и пнул Ваню по копчику. От боли Ваня вскрикнул и упал на колени.

Бомжи откуда-то достали верёвки, связали парням руки, перекинули верёвки через швеллер под потолком.

– Слушай меня сюда, суки! Будем вам культуру прививать. Я при Союзе в министерстве культуры работал, – прохрипел Вася. Остальные бомжи засмеялись. Дима заметил, что у бомжихи во рту нет ни одного зуба.

Парни стояли с вытянутыми вверх, привязанными к швеллеру руками. Сергей вдруг почувствовал, как по ногам потекло что-то тёплое. Ему стало стыдно, и он заплакал.

– Мужики, мой папа вам денег даст... – пролепетал Сергей.

– Пусть засунет себе в жопу свои деньги! – Сергей услышал голос за спиной и почувствовал зловонное дыхание в затылок.

Один из бомжей достал из-под горы тряпок бутылку водки, открыл её. Бутылка пошла по кругу. Бомжи делали глоток из горловины бутылки, запускали грязные руки в банку с капустой, громко отрыгивали. Прикончив бутылку, бомжи устроили боксёрский клуб, где вместо груш были Ваня, Дима и Сергей. Бомжи били парней кулаками, плевали в них.

Удары сыпались со всех сторон. Парни стонали, кричали.

– Можете орать столько, сколько влезет. Всё равно никто не услышит. Я сам двери утеплял, они звук не пропускают! – Один из бомжей подошел вплотную к Ване. Он пристально вглядывался в лицо Димы, а потом выудил из рваных трико своё достоинство и помочился на Ваню. Ване было противно и неприятно, а главное – обидно. Он ещё никогда в жизни не подвергался такому унижению. Такого с ним не было даже в пионерском лагере.

– Пожалуйста, не надо, – с мольбой прошептал Ваня.

– Терпи, мля! Это только начало! – бомж улыбнулся, показав Ване два ряда почерневших зубов.

И вслед за этим Ваня почувствовал, как чьи-то руки растёгивают ремень его тёмно-серых брюк и расстегивают ширинку. Вслед за этим брюки вместе с трусами соскользнули вниз. Ваня запаниковал, начал дёргаться.

– Спокойно! Если хочешь жить... стой на месте!

Ваня почувствовал, как что-то холодное и острое впивается в шею. Он понял, что это нож и почувствовал, как его тело покрывается липким потом. Посмотрев по сторонам, перепуганный паренек увидел, что его друзья тоже стоят со спущенными штанами и плачут.

Бомжи обыскивали их карманы.

– Смотри-ка, они в колледже учатся, – сказал бомж с коркой на носу, разглядывая студенческие билеты, которые он вытащил из карманов парней.

–Что толку от их учёбы, если денег ни у кого нет! –Бомж с рыжей бородой сплюнул сквозь зубы.

–Ха-ха-ха, я-то думала, что ты мне богатырей привёл, а это чинарики какие-то, – смеялась бомжиха, периодически прохаживаясь перед парнями и грубо хватая их за пенисы. Они, мля, енпотенты все!

Бомжи засмеялись. Вдруг Ваня почувствовал, как что-то твёрдое и упругое входит между его ягодиц. Он стал дёргаться, пытаясь не допустить вторжение в своё тело.

–Тише, мля! – услышал он голос за спиной. В следующий момент острый нож впился ему в шею, легко проткнув кожу. Из раны полилась тёплая кровь. Потом Ваня почувствовал сильную боль в заднем проходе и закричал. Ему казалось, что бомж сейчас разорвёт его внутренности. Бомж убрал нож, ударил Ваню по почкам и начал двигаться вперёд-назад. По бокам Ваня слышал крики. Оглянувшись по сторонам, он увидел, что два других бомжа уже всю пользуют Серёгу и Диму. Пацаны кричат, извиваются. У того бомжа, который пристроился к Серёге, на ягодице была наколота розочка. Бомжиха, дико хохоча, прыгала по гаражу, иногда плевала в лицо парням, иногда хватала их за гениталии и крепко сжимала их. В какой-то момент Ване стало так больно, что он отключился.

Ваня пришёл в себя, почувствовав, как что-то льётся ему на лицо. Открыв глаза, он увидел, как бомж мочится на него. Ваня поднял руку, чтобы прикрыть лицо, почувствовав боль

во всём теле, застонал.

–Очнулся, красавчик? – спросил бомж, скаля редкие зубы. – Я уже думал, что ты сдох.

–Мишаня, да что с ними случится? – послышался голос из-за спины бомжа. – Пошли отсюда. Нам ещё на вокзал нужно успеть...

Ваня услышал звук удаляющихся шагов, скрип закрываемой двери. Немного полежав на спине, Ваня стал подниматься. Каждое движение причиняло боль, голова кружилась. Свет в гараже был включен. Осмотревшись, Ваня заметил Диму и Серёгу. Они лежали на полу. Они были голые и в крови. На Ване тоже не было одежды.

«Они забрали нашу одежду!» – подумал Ваня, роясь в куче тряпок.

Сергей с Димой зашевелились, стали стонать. Одев на себя пахнувшие мочой брюки и драную телогрейку без рукавов, Ваня помог подняться на ноги товарищам и помог им подобрать одежду.

Пошатываясь, трое друзей вышли из гаража. Дима зачем-то выключил свет. Обувь они не нашли. Все шли босиком, шлёпая по асфальту босыми ногами. Они не знали, сколько времени они провели в гараже, но, судя по тому, что было темно и народу было мало, уже была глубокая ночь. Редкие прохожие, увидев их, переходили на другую сторону улицы, или скрывались во дворах.

Сергей, Дима и Ваня шли, пошатываясь по улице Лени-

на. Ни трамваи, ни автобусы уже не ходили. Парни пытались поймать машину, но ни одна машина не остановилась. Было холодно. Бедолаги дрожали под порывами сильного ветра. Наверное, они замёрзли бы, если бы их не подобрал милицейский уазик.

Милиционеры отвезли измученных, окровавленных друзей в отделение милиции, где они давали показания. Потом Серёга упал в обморок, и всех троих отвезли в больницу, где они провели две последующих недели.

Бомжей не нашли ни в ту ночь, ни на следующий день, ни потом. Они, словно, сквозь землю провалились. Гараж в ту ночь загорелся и выгорел дотла.

7

Придя домой после лекций, Федя обнаружил в почтовом ящике письмо. Это было письмо от Даши. Закрывшись в своей комнате, Фёдор стал читать. Хотя почерк у Даши был красивый, писать письма она, по мнению Феде, абсолютно не умела. Она черкнула пару строк про то, что у неё всё нормально, работает в Сбербанке кассиром, возможно, скоро выйдет замуж. В письме Даша пообещала пригласить Федю на свою свадьбу, которая, скорее всего, будет следующим летом. Её избранника зовут Вадим, он работает сборщиком мебели на мебельной фабрике, в армии служил в десантных войсках. Даша его очень любит. Он добрый, на день рожде-

ния он подарил Даше котёнка, которого Даша назвала Барсиком.

У дяди Вани и тётки Гали тоже всё хорошо. Дядя Ваня работает на заводе Автоматики, хорошо получает, тётка Галя всё также трудится бухгалтером в домоуправлении.

Недавно Даша с Вадимом ездили на рынок, и Вадим купил ей джинсы и кофточку, о которых Даша давно мечтала.

Потом Даша описала жизнь своих подруг, погоду в Твери. Федя читал и думал, как можно дожить до семнадцати лет и не научиться писать письма? Даша исписала две страницы, но не поведала Феде ничего интересного.

В конце письма Даша написала то, от чего сердце Феде бешено забилося в груди, а на лбу выступили капли пота: «Ты помнишь Аллу? Она ко мне в гости приходила, когда наши родители на дачу уезжали? Представляешь, она недавно под электричку попала. Она со своим другом ездила на шашлыки на природу. Потом, когда приехали в Тверь, она переходила через рельсы, зацепилась за что-то ногой и упала. А в это время ехала электричка. Аллу разрубило на три части. Её друг, Денис, всё это видел. Он потом даже хотел повеситься, но его мать пришла с работы раньше обычного и вытащила его из петли, спасла. Я была на её похоронах. Мне Алка потом три дня снилась. Мы с подружками понять не можем, как Алка умудрилась упасть перед электричкой? Она же трезвая была...»

Дочитав письмо, Федя отложил его, посмотрел в окно. За

окном светило яркое осеннее солнце. Тополь во дворе шелестел жёлтой листвой.

«Может, и мне повеситься? – с тоской подумал Федя. – Моя первая девушка погибла, на неё наехала электричка. Она была с другим парнем... Как она могла заниматься любовью со мной и встречаться ещё с кем-то? До чего же мне не везёт в жизни! В колледже меня все ненавидят, подруга, с которой я хотел бы дружить, несмотря на то, что она некрасивая, умерла. Я один, я никому не нужен. Может, повеситься, пока меня Скурихин, Палкин и Шестаков не убили?»

Федя задрал рубашку, посмотрел на большие синяки на животе и на груди, оставшиеся от побоев. Что эти уроды ещё могут с ним сделать? Какую гадость ещё придумают?

«Хоть в колледж завтра не приходи!» – думал Федя, глядя на играющую во дворе малышню.

И тут он вспомнил про самодельный нож, который подарил ему Вова, когда был жив. Этот нож Вова собственноручно сделал, когда проходил производственную практику. Он сделал два ножа. Один для себя, а второй он подарил Феде. Именно таким ножом Вова выкапывал из земли мину в Федином сне. Так, где же нож? Куда его он, Федя, спрятал?

Федя начал рыться в полках своего письменного стола. Достав все три полки, он высыпал на пол всё их содержимое.

«Эврика! – прошептал он, увидев в куче старого хлама знакомую рукоятку и поблескивающее, остро отточенное лезвие. – Теперь пусть только попробуют ко мне сунуться.

Всех порежу!»

Фёдор подержал в руке нож, сделал несколько взмахов рукой. Нож со свистом прорезал воздух. Рукоятка ножа была удобной, как будто специально сделанной под Федину маленькую руку.

Федя завернул нож в тряпку, которую нашёл в ванной комнате и положил его в пакет с ручками, в котором обычно носил свои конспекты.

До вечера Фёдор просидел в своей комнате. Пока он читал лекции, решал задачи по алгебре, душевная боль немного утихла. За ужином мама поинтересовалась, почему у Феде всё лицо в синяках? «Лицо в синяках» – это было мягко сказано. Всё лицо Феде сейчас представляло собой один большой синяк, который взрывался болью, когда Федя двигал головой, или нагибался. Хорошо, что Феде хватило ума воспользоваться маминой пудрой, иначе, Галина Дмитриевна упала бы в обморок. А если бы Федя снял рубашку?

– Мы в баскетбол сегодня на физкультуре играли. Я подпрыгнул, кидая мяч в корзину, но, когда приземлился, поскользнулся и упал лицом вниз. Руки были вытянуты вверх, я даже подстраховаться не успел...

– А мне кажется, тебе рыло кто-то начистил, – сказал отец, откусывая сосиску и листая газету «Вечерний Гневинск». – Ты ведь у нас рохля! За себя постоять не можешь!

– Кеша, ну что ты говоришь? – с упрёком произнесла Галина Дмитриевна. – Федя у нас тихий, спокойный мальчик.

На уроке физкультуры всякое бывает.

– Я упал! – настаивал Федя. В его положении было лучше всего, чтобы родители ничего не знали. Он уже давно заметил, что они только «пилить» и критиковать могут, от них нельзя ждать ни моральной, ни реальной поддержки. Лучше, пусть думают, что у их сына всё хорошо.

Поблагодарив маму за ужин, Фёдор закрылся в своей комнате. Перед сном он долго думал. Он думал о том, сможет ли он закончить колледж? Конечно, можно терпеть издевательства, но надолго ли его хватит? Алла... Алла! Поначалу ему она показалась ужасной, но теперь Федя уже почти влюбился в неё. Перед сном он часто фантазировал, как он приезжает в Тверь, женится на Алле, остаётся там жить в Твери, вдали от родителей. Почему она погибла? Почему в жизни всё идёт не так? Почему он такой маленький и слабый, а другие пацаны бывают сильными, красивыми, ростом не меньше двух метров? А он – заморыш, дистрофик...

Кто сказал, что жизнь – это путь из колыбели в могилу? Жизнь – это большая куча дерьма, через которую Феде предстоит перелезть. Главное, это не захлебнуться в этом дерьме и не дать ни Скурихиным, ни Палкиным, ни Шестаковым, ни прочим подонкам потопить себя в этом дерьме. Жизнь-дерьмо. А если жизнь – дерьмо, значит, с ней не жалко расстаться. Может, закрыться в ванной комнате, полоснуть себя по венам Вовиным ножом и мучениям конец! А с другой стороны, это слишком просто! Если он сам устранился, зна-

чит, ублюдки из колледжа одержат победу. Они будут хвастаться друг перед другом: «Прикинь, Дрищ порезал себе вены! Это мы его достали!». Они будут жить, а он, Федя Игнатьев, будет гнить в могиле. Они будут пить пиво, курить, а он будет лежать в сырой земле. Нет! Не дождутся! Федя, будет каждый день ходить в колледж, носить с собой нож и обязательно воткнёт его кому-нибудь в пузо. Лучше сесть в тюрьму, чем дать подонкам возможность безнаказанно издеваться над собой, а у родителей больше язык не повернётся назвать сына слюнтяем, рохлей и трусом! И всё-таки жизнь – дерьмо!»

С этими мыслями Фёдор заснул крепким сном. Он просто провалился в пустоту. Тело его стало невесомым, со всех сторон к нему подступила темнота.

Федя открыл глаза. За окном была глубокая ночь, на небе светили яркие звёзды. Федя словно вынырнул из сна. Как будто, ощутил толчок. Посмотрев по сторонам, он не увидел ничего необычного. Всё та же комната: письменный стол, шкаф для одежды... Никаких призраков, только за стеной опять воеет Чарли. И что он так воеет? Неужели у родителей Вовы, покойного Вовы, не хватает ума успокоить собаку? Или они так крепко спят?

Внезапно вой Чарлика усилился. Сердце в груди Феде застучало, как колёса поезда, в висках Фёдор почувствовал пульсацию. Ему вдруг стало холодно, как будто кто-то в его комнате открыл окно. Федя сел на кровати, присмотрелся.

Окно закрыто, всё нормально.

Вдруг из ковра на стене появились белые лучи. Потом лучи превратились в очертания двери.

«Не может быть!» – в ужасе подумал Федя и соскочил с кровати.

С сильно бьющимся сердцем, готовым вот-вот выскочить из груди, Федя смотрел на ковёр на стене. Он трижды ущипнул себя за щёку, чтобы убедиться, что это не сон. Резкая боль в щеке, на которой был синяк, подтвердила, что Федя не спит.

В следующее мгновение Федя увидел прямоугольный столп света, ослепительного белого света, бьющего из ковра на стене. От страха Федины ноги словно приросли к полу. Ему хотелось закричать, позвать родителей, но он не смог раскрыть рот. Он просто стоял и смотрел.

В белом свете появились очертания фигуры, человеческой фигуры. Из стены вышел парень, или Фединога возраста, или немного старше. Он встал ногами на диван, причём диван даже не промялся под ним, потом этот парень спустился с дивана на пол, подошёл к Феде. В комнате вдруг стало светло, как днём.

На парне были джинсы, кроссовки, вязаный пуловер. На голове у него была копна густых рыжих волос. Его лицо Феде показалось знакомым, как будто он раньше этого парня где-то видел, когда-то давно. У него были красивые черты лица, прямой нос и глаза... Большие карие глаза. Казалось, что эти

глаза видят насквозь.

Парень подошёл к Феде, пристально посмотрел на него, улыбнулся.

– Кто ты? – прошептал Федя.

– Я – твой Ангел-Хранитель, – ответил незнакомец. Его голос был приятным, бархатистым. Федя заметил, что Чарли за стеной перестал выть, стало тихо.

– Я тебе не верю. Такого не бывает, – сказал Федя, разглядывая незванного гостя.

– А ты поверь! – произнёс Ангел, стремительным движением рук развернул Федю спиной к себе, продел свои руки у Феде под мышками, сцепив их в замок у Феде на груди.

В следующую секунду Федор ощутил, как Хранитель поднимает его над полом. У Феде перехватило дыхание. Он понял, что висит в воздухе, поддерживаемый Ангелом. Потом они влетели в яркий прямоугольник. Федя увидел стены комнаты соседей, живущих за стеной. Он увидел мужчину с женщиной, спящих на кровати. Игнатьев с Хранителем пролетели над ними так низко, что Федя ощутил запах духов женщины.

Потом они пролетели сквозь стену, оказались в другой комнате. На кровати спала старая женщина. У её кровати стояла табуретка, на которой лежали лекарства, и стоял стакан воды. В комнате пахло медикаментами. В ногах пожилой женщины лежала, свернувшись в клубок, пушистая кошка. Увидев Федю, кошка зашипела, спрыгнула с кровати и скры-

лась в темноте.

Пролетев сквозь ещё одну стену, Федя с Ангелом оказались на улице. Федя ощутил сильный холод, он ведь был в трусах и в майке.

– Ничего страшного, не замёрзнешь! – прокричал Хранитель и стал набирать высоту. У Феди захватило дух. Было ощущение, что он летит в самолёте, только в самолёте он летал, сидя в кресле и глядя в иллюминатор, а сейчас его держал парень, представившийся Ангелом, и Федя был одет не по погоде. Освещённая редкими фонарями дорога перед домом, на которой сейчас не было ни одной машины, стала резко уменьшаться, превратившись сначала в змейку, извивающуюся между коробками домов, а потом – в ниточку между маленькими, едва заметными прямоугольниками.

Федор с Хранителем поднимались всё выше и выше, к звёздному небу. Игнатьев чувствовал мощные потоки воздуха над головой, почувствовал, как немеют от холода его руки и ноги, как колышется на ветру майка. В какой-то момент стало трудно дышать, Ангел вдруг разжал руки, и Федя камнем полетел вниз. Скорость была огромная. С Игнатьева сорвало трусы, но не это его сейчас волновало. Больше всего Федю волновало то, что он сейчас рухнет на землю и разобьётся.

С душераздирающим криком, Игнатьев падал вниз. Он кувыркался в воздухе. Во время одного из кувырков он увидел Ангела, подлетающего к нему. За спиной Хранителя бы-

ли два больших крыла.

Игнатьев уже видел дома, тополя, высаженные между домами, заасфальтированную дорогу, которая приближалась с неумолимой скоростью. Ангел схватил Федю за майку, майка тут же порвалась. Когда до земли оставалось метра три, и Игнатьев понял, что сейчас упадёт и разобьётся, Хранитель вновь сцепил руки у него на груди, крепко прижав к себе.

– А ведь ты не на шутку испугался! А мне казалось, что ты хочешь расстаться с жизнью. Ведь жизнь для тебя – дерьмо?

Федя услышал спокойный бархатистый голос Ангела у себя над ухом и перестал кричать. Тут же увидел стену дома, надвигающуюся на него с большой скоростью. Федя инстинктивно сжался, ожидая удара об стену, но увидел яркий белый свет, потом стена разошлась, как разрезанная материя, и Федя с Хранителем опять пролетели над спящей старушкой, над мужчиной с женщиной, которые, обнявшись, спали на большой кровати, и оказались в Фединой комнате. Они вылетели из ковра на стене и опустились на пол.

– Запомни, Федя, любая жизнь, в том числе твоя, бесценна. Пока я рядом, с тобой ничего страшного не случится. Помни, что я тебя люблю и не делай глупостей, – с этими словами Ангел взмахнул большими белыми крыльями, влетел в светлый коридор, который начинался прямо над кроватью Игнатьева, и улетел. Когда он скрылся из вида, прямоугольник света стал резко уменьшаться, превратившись в маленькую белую точку на ковре, а потом и вовсе исчез.

Внезапно Федя почувствовал жуткую усталость. Его глаза стали сами по себе закрываться, словно налитые свинцом, а ноги подкосились. Он упал на диван и заснул.

8

Проснулся Игнатъев от дребезжащего, противного звука будильника.

«Опять идти на эту каторгу!» – подумал Федя, встал с кровати, дошёл до своего письменного стола и нажал на кнопку будильника. Дребезжание прекратилось. Раньше Федя ставил будильник на тумбочку у кровати, но несколько раз было так, что будильник звенел, Федя отключал его и опять засыпал. Из-за этого он неоднократно опаздывал на занятия в колледже, а опаздывать он не любил. Поэтому Фёдор стал ставить будильник на письменный стол, чтобы окончательно проснуться, дойдя до будильника и не засыпать.

«Где мои трусы? – подумал Федя, оглядываясь по сторонам. – Наверное, где-нибудь под диваном. Не буду их сейчас искать, лень». Федя открыл шкаф, взял с полки первые попавшиеся под руку трусы, одел их на себя и пошёл в ванную умываться. Про себя Федя отметил, что у него хорошее настроение, синяки на теле болят не так сильно, как вчера, его переполняла какая-то живительная энергия, как будто он всю ночь заряжал свои батарейки.

«Когда же у меня борода начнёт расти? – думал Федя, ко-

гда чистил зубы. – У других уже густая щетина, а у меня только усики, которые торчат, как у таракана. Может, поэтому я девчонкам не нравлюсь?»

Внезапно Федя увидел, что майка на нём порвана. Она была не просто порвана, а разорвана пополам. Майка держалась лишь на одной лямке. Федя сразу вспомнил свой сон. Он вспомнил Ангела, полёт в звёздном небе, падение, проход через стену.

Его, как будто током ударило. Игнатьев стоял в ванной комнате, держа в руке зубную щётку, и смотрел на себя в зеркало.

«Я, наверное, схожу с ума. Этого не может быть. Я не мог летать, я не мог видеть Ангела-Хранителя. Это просто сон, о котором нужно забыть!»

Однако, войдя в свою комнату, Федя осмотрел ковёр на стене, ощупал его руками. Обычный ковёр, а под ним – бетонная стена, оклеенная обоями. Никаких проходов, туннелей, никакого света.

– Я схожу с ума! – проговорил Федор и пошёл на кухню завтракать.

Перед уходом, он проверил содержимое своего пакета, убедился в том, что конспекты и нож на месте.

Занятия в колледже начались как-то тихо. Федя ожидал разборок с Шестаковым, Палкиным и Скурихиным, но тех вообще не было на лекциях, что Фёдора очень радовало.

На каждой перемене ему задавали вопросы: «Федя, а кто

тебе на лицо наступил? Федя, а ты на чей кулак упал? Федя, а ты что, в поворот не вписался?»

На все вопросы Федя отвечал утвердительно, даже улыбался. На большой перемене к нему подошёл Рома.

– Здорово, чувачок! Как делишки?

– Привет, всё нормально, – ответил Федя, пожимая большую, тёплую ладонь Ромы.

– Я думал, что ты вообще сегодня до колледжа не дойдёшь, а ты вон улыбаться можешь! Странно...

– Видать, не так сильно били. Больше испугали, чем покалечили...

– А где этот уродец в зелёных слаксах? – Лицо Ромы сразу стало серьёзным. – Что-то мне не понравилось его поведение. По-моему, он мне нагрубил. Я с ним ещё хочу поговорить.

– Ваня Палкин... Его нет сегодня. Они втроём куда-то пропали. Ни на одной лекции их не было. Да оставь ты их. Бог им судья.

– Нет, я не судья и такого не оставлю. Не люблю борзых, как эти, – Рома сжал кулаки. – Я поговорю с ними! Пойдём в столовую? Сегодня там жареную рыбу дают.

– Пойдем! – согласился Федор, и они пошли по длинному, заплёванному коридору. Девушки из группы, в которой учился Федя, смотрели им вслед и хихикали.

– Смотрите, сладкая парочка. Глядя на них, я вспомнила фильм «Близнецы», – давясь от хохота, сказала Марина

Пургина.

– Точно! Там играют Арнольд Шварце... как его там? И этот... Денни Де Вито! – поддержала Марину Таня Смелова.

– И вправду, похожи, – Наташа Кадочникова издала утробный звук, лишь отдаленно напоминающий смех. – Только Де Вито красивее нашего Дистрофика.

И другие девушки заржали.

В столовой, действительно, был рыбный день. На первое был суп с рыбой, а на второе жареный минтай с пюре.

Федя с Ромой сидели за одним столом. Рома рассказывал Феде про тяжёлую атлетику, про спортивное питание, про то, что мечтает стать программистом.

– Я тебе точно скажу, – говорил Рома, держа в руке вилку с засаженным на неё куском рыбы. – Будущее – за нами, за программистами. А чего ты на программиста не пошёл учиться?

– Не знаю... Родичи говорят, что быть теплотехником – это круто.

– Я так не думаю, – Рома отправил кусок рыбы в рот и запил его компотом.

– А ты и сейчас штангой занимаешься? – спросил Федя, разглядывая Ромины большие руки.

– Нет, я уже года три не боец. У меня повреждены мениски коленных суставов. При ходьбе колени болят, бегать вообще не могу.

– И это не лечится?

– Конечно, лечится! – Рома смотрел на Федю, как на дурака. – Только зачем лечить? В армии я пока служить не хочу...

– Понятно, – Федя кивнул головой и больше они не разговаривали. Каждый думал о чём-то своём.

9

Через две недели Скурихин, Палкин и Шестаков появились в колледже. Пока они ехали в трамвае, они обсуждали происшедшее с ними и пришли к выводу, что во всех их бедах виноват Федя Игнатьев.

– Он специально лохом прикидывается. Я думаю, бомжи – это какие-то его знакомые, – вполголоса говорил Ваня, глядя в окно.

– У него по-любому предки продвинутые. Наверняка, он им про нас сказал, и они решили нас прессануть, – предположил Сергей.

– Ладно, тихо вы! Вдруг за нами следят и подслушивают. Никогда об этом не говорите, и никому об этом не рассказывайте, – оглядываясь по сторонам, сказал Дима, и все замолчали.

Следуя от трамвайной остановки до колледжа, Скурихин и Палкин беспокойно оглядывались по сторонам, Шестаков опустил голову и смотрел себе под ноги. Воротник куртки Димы был поднят. Они шли медленно. Ваня и Дима сильно

хромали.

Когда парни все-таки вошли в серое здание колледжа, все трое облегчённо вздохнули. Они рассматривали пол, стены, оглядывали учащихся, выискивая в толпе знакомые лица. Каждому из них казалось, что в колледже они не были сто лет, хотя прошло всего две недели. Дима, Ваня и Сергей подошли к стенду с расписанием занятий, сделали отметки в записных книжках и пошли в аудиторию. Их ждала скучная пара лекций по химии.

Не успели они дойти до лестницы, ведущей наверх, они услышали громкий оклик: «Пацаны! Подождите минуточку!»

Скурихин, Палкин и Шестаков синхронно обернулись на голос. Это был голос здорового третьекурсника, который тогда заступился за Дрища. Третьекурсник был не один. С ним были ещё человек пять таких же амбалов. Они стояли у него за спиной, лица их были серьёзными. Сергей, Ваня и Дима настороженно переглянулись, настроение у них резко испортилось.

– Вы тут моего дружбанчика покалечили.

– Мы не... – пытался возразить Дима.

– Заткнись и слушай, – грубо перебил его здоровяк и продолжил. – Если он мне пожалуется или с ним что-нибудь случится, я ваши яйца поотрезаю и скормлю бездомным собакам. Вы меня поняли?

– А ты чего.... – хотел что-то сказать Ваня, но получил

удар кулаком в живот и согнулся пополам, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

– Ты, я смотрю, самый говорливый, – тихим, но злым голосом произнёс старшекурсник, сверля взглядом Ваню. – С тебя я потом и начну. Вы меня поняли?

Дима с Сергеем кивнули головами.

– А теперь валите по своим делам. И молитесь, чтобы с Федькой ничего не случилось, иначе я вас найду.

Старшекурсник развернулся и пошёл по коридору, сопровождаемый толпой своих дружков. Скурихин, Палкин и Шестаков продолжили подъём на третий этаж. Они поднимались молча. Каждый из них обдумывал сложившееся положение.

– По-моему, он точно знает про нас, про то, что с нами случилось, – прошептал Ваня.

– С чего ты это взял? – поинтересовался Дима.

– Он про яйца и про бездомных говорил. По-любасику, что-то знает.

– Будем надеяться, что наши ничего об этом не знают. Если узнают, я отчислюсь из этого грёбаного колледжа, – сказал Сергей.

– И я, – поддержал его Дима.

И только Ваня молчал. Он растирал ушибленную грудь и морщился от боли.

Когда Скурихин, Палкин и Шестаков вошли в кабинет химии, все, кроме Дрища, обрадовались их возвращению. Все

спрашивали, где они пропадали? Чем болели? Большую заинтересованность проявили девушки. Игнатьев, как всегда, сидел за своей первой партой и даже не посмотрел в их сторону. Он сидел, сложив руки на груди, и читал конспект. Ване показалось, что он делает вид, что читает. Ещё ему показалось, что Дрищ улыбается. Значит, то, что с ними произошло, это его рук дело. Ну, Дрищ, ну тварь!

На большой перемене, когда Дрищ ушёл в столовую, Ваня с Серёгой стали рассказывать всем, кто находился в аудитории, свою историю, которую они выдумали, пока лежали в больнице.

– Ну, наехали на нас какие-то чуваки в сквере на улице Ленина. Их было всего-то четверо. Мы их во дворы завели, хотели им люлей навалить, а там ещё не меньше десяти челов. Все здоровые. Мы их пролечивать начали... Ну, чтобы по нормальному разойтись, а они полезли на нас с кулаками. Мы отбивались от них, почти всех раскидали, а они достали биты бейсбольные и давай нас дубасить. Они чуть не убили нас, но менты приехали, и они убежали. Менты спрашивают нас, хотим ли мы заявление писать, но мы отказались, сказали, мол, сами разберемся. – с важным видом рассказывал Ваня.

– Круто! – произнесла Вера Сизова. Было видно, что рассказ произвёл на неё сильное впечатление.

– Мы их потом вычислили, на счётчик их поставили. Они нам бабок отвалили и ящик пива, – продолжал Серёга. Дима

молчал, периодически кивая головой в знак согласия.

– А сколько они вам отвалили, – поинтересовался Коля Бушков.

– Много, – ответил Ваня, – только мы всё нашим браткам отдали, которые потом на разборку с нами ездили. Нам осталось только пиво. Мы его выпили в больнице.

– Так вы и в больнице лежали? – удивлённо спросил Коля.

– Конечно! Тебя бы битами отхлестали по хребтине, я бы посмотрел на тебя! Живого места на теле не было!

В это время в кабинет вошёл Дрищ, все замолчали и расселись по своим местам. Каждый обдумывал рассказ о приключениях Вани, Димы и Серёги. Многие поверили, так как дело было в 1992 году. В то время было возможно всё!

Ни Ваня, ни Сергей, ни Дима никогда никому не рассказывали всей правды. Они не рассказали, как плакали и умоляли бомжей пощадить их, как плакали, когда лежали в больнице, как боялись потом в одиночку выходить на улицу, как вздрагивали и покрывались потом при виде бомжей на улицах. Хуже всего для них было ощущение собственной незащитности и беспомощности. Они поняли, что даже милиция им не поможет и не сбережёт.

У Серёги после той истории поседели виски, поэтому он потом стригся коротко, чтобы седина не была заметна. Когда это перестало помогать, он стал красить волосы. Дима долго принимал антидепрессанты, после чего перешёл на наркотики, но об этом никто из сокурсников не знал. Ему да-

же удалось закончить колледж. Ваня перестал обращать внимание на женщин. У него появились серьёзные проблемы с потенцией. Его часы хронически показывали «полшестого». Но это было позже, а сейчас все трое люто ненавидели Федю и во всех своих бедах винили только его. Вслух они об этом говорить боялись, поэтому регулярно исписывали парты и стены техникума надписями: «Федя-Дрищ, Федя-лох, Федя – Дистрофик» и прочими обидными надписями, на которые Федя старался не обращать внимание.

Федя вдруг стал расти. Сначала он думал, что ему это кажется, но потом, когда брюки и рубашки стали ему малы, он понял, что он и вправду растёт. За первый курс он вырос на десять сантиметров и поправился на семь килограммов. Кличка «Дистрофик» к нему уже не применялась.

10

Однажды, дело было весной 1993 года, когда ярко светило солнце и таяли сугробы, заливая всё вокруг грязной талой водой, Федя пришёл домой из колледжа и увидел Чарли, сидящего у крыльца. Он, как будто, ждал Федю. Когда Федя подошёл к крыльцу, Чарли завилял купированным хвостом, радостно залаял, начал прыгать на Федю, оставляя тёмные следы своих передних лап на куртке Феде.

Посмотрев по сторонам, Федя не увидел ни Ильи Владимировича, ни Нины Ивановны – родителей Вовы.

«Странно!» – подумал Федя. Он никогда не видел, чтобы Чарли гулял один. Федя погладил Чарли, постоял немного и стал заходить в подъезд. Чарли забежал в подъезд, чуть не сбил Федю с ног. Поднявшись на лифте на пятый этаж, Федя позвонил в квартиру Киселёвых. Никто не открыл дверь. Федя позвонил ещё раз. Результат тот же. Подумав, Федя решил оставить пока Чарли у себя. Когда Киселевы вернуться, он отдаст им Чарлика, не выгонять же его на улицу, вдруг потеряется.

«Наверняка, Чарлик убежал от них во время прогулки. Сейчас ведь весна!»

– Заходи, Чарли! – сказал Федя, открывая входную дверь. Пёс, как будто ждал этого. Как только дверь открылась, он, виляя хвостом, проскользнул в квартиру.

– Чарли, стой! – крикнул Федя, увидев мокрые следы лап на ковровой дорожке. Чарли послушно остановился. Федя принёс из ванной смоченную водой тряпку и вытер Чарлику лапы. Чарли не огрызался, не дёргался. Он послушно стоял и ждал, когда Федя закончит.

– Всё, иди! – сказал Федя. Чарли сразу же начал обходить комнаты. Он всё обнюхивал и рассматривал, а потом пошёл на кухню и сел рядом с холодильником.

– Хорошая мысль! – Федя кинул взгляд на слюни, капающие с морды Чарли. – Сейчас что-нибудь на обед приготовлю. Я тоже есть хочу.

Пообедав и накормив Чарли, Федя прошёл в свою комна-

ту, где сел за свой письменный стол и стал готовиться к завтрашним лекциям. Чарли обошёл комнату, обнюхал все углы и лёг рядом с диваном Феди, на половичок.

– Тебе, я смотрю, нравится! – сказал вслух Федя, глядя на пса. – Останешься у меня?

Чарли ничего не ответил, немного покрутившись на одном месте, он свернулся калачиком на полovice и стал засыпать.

Вечером пришли родители Феди. Узнав, что Чарли у них, они долго возмущались, звонили Киселевым в дверь, звонили им по телефону.

– Ладно, – сказал отец, присаживаясь на край дивана и поглаживая рукой шерсть на спине Чарлика. – Я смотрю, шерсть с него не сильно лезет, запаха тоже нет. Пусть пока побудет у тебя, а когда мы свяжемся с Киселёвыми, мы им Чарли отдадим. Идёт?

– Идёт! – ответил Федя. То, что Киселёвых не было дома, а Чарлик гулял на улице, наводило его на мысль о том, что если и придётся вернуть его хозяевам, то не скоро.

В тот же вечер в «Новостях» показали смятую машину в кювете.

«...Авария произошла на седьмом километре объездной дороги. На мокрой дороге водитель автомобиля Ваз 2106 не справился с управлением, и машину вынесло на встречную полосу, где произошло столкновение с «Мазом», – бесстрастным голосом говорил диктор. – Погибло три челове-

ка»

– Неужели это Киселёвы? – спросил отец.

– Да что ты, Кеша? Илья Владимирович прекрасно водит. Мне Нина рассказывала, что он больше двадцати лет за баранкой. Это не могут быть они.

Однако последующие события показали, что это были именно они, Киселёвы. Они ехали на своей машине по объездной дороге. В машине были все: Вероника, Нина Ивановна, Илья Владимирович. Скорее всего, с ними был Чарли. Но почему Чарли вернулся домой, и на его рыжей шкуре не осталось ни одной царапины, для Феди и для Фединых родителей это осталось загадкой.

Чарли остался у Феди. Федя ожидал, что пёс будет тосковать по хозяевам, но этого не произошло. Чарли отлично освоился в квартире Игнатьевых. У Феди даже было впечатление, что Чарли всю жизнь жил у него, а не у Вовы.

Федя выгуливал Чарли три раза в день: утром, днём и вечером, два раза в день кормил его. Несмотря на то, что Чарли был крупным псом, проблем с его кормежкой никогда не было. Он был непривередлив в пище, ел абсолютно всё, что ему давали. Но не это нравилось Игнатьевым в Чарли. Он был очень умён и послушен.

Иногда, когда Федя приходил домой из колледжа в плохом настроении, Чарли мог подойти к нему, положить слюнявую морду ему на колени и посмотреть в глаза, как бы говоря: «Всё нормально, приятель! Успокойся». После этого

у Феде улучшалось настроение, и всё сразу становилось на свои места.

Федя выгуливал Чарлика на заросшем кустами и молодыми берёзками пустыре, напротив дома. Раньше там были частные дома, но дома снесли, а пустырь остался. Федя обычно отстёгивал поводок от ошейника Чарли, и тот свободно бегал по пустырю, пока не надоедало. Иногда они гуляли по окрестным дворам, где Федя встречал своих знакомых. В основном, это были бывшие одноклассники и одноклассницы. И Феде и Чарлику такие прогулки нравились.

Однажды, во время одной из таких прогулок Федя встретил пожилую женщину. Прихрамывая, она шла по улице. В обеих её руках были авоськи с продуктами. Увидев Федю с Чарли, она оглядела пса и пробормотала: «Завели себе телёнка... Тут людям есть нечего, а они таких больших собак заводят». Федя оставил её реплику без внимания, но про себя отметил, что где-то раньше он эту женщину видел.

В другой раз Федя встретил высокого мужчину лет тридцати и стройную симпатичную блондинку. Они, обнявшись, шли в сторону Федино дома. Запах духов блондинки показался Феде до боли знакомым. Где он выдыхал этот запах? Почему ему показалось, что он раньше где-то видел и этого мужчину, и его подругу?

Только вечером, перед сном, когда Федя посмотрел на ковёр на стене над своим диваном, он вспомнил про свой сон, про полёт с ангелом. Он вспомнил ту пожилую женщину, се-

мейную пару на большой кровати, над которыми он пролетал.

«Неужели это не было сном? – в ужасе подумал Игнатьев. – А может, я – шизик? У меня крыша едет?»

11

Как– то раз, когда Федя с Чарликом гуляли на пустыре, к Феде подошли несколько парней. Они неожиданно вышли из-за деревьев. Чарли в это время играл с сухой палкой, которую он выкопал из земли.

– Слышь, Вася! Подогрей братву бабками, – сказал один из них, приблизившись к Феде, и глядя ему в лицо наглыми глазами.

– Я не Вася, я – Федя! – Фёдор высматривал Чарлика, но, почему– то не видел его на пустыре. В голове закрутились тревожные мысли: «Куда мог деться пёс?.. Может, убежал?»

– Мне пофиг, кто ты! Гони бабки! – Парень вытащил из кармана нож и приставил его к горлу Феде. Его товарищи, все коротко стриженные, в одинаковых кожаных куртках и в спортивных костюмах, плотным кольцом окружили Федора.

– У меня нет денег, – ответил Федя. Глядя на парней, он узнал их. Это были те самые парни, которые избили его в конце лета, когда погиб Володя Киселёв. Они ещё тогда сказали, что он им не нравится. На лице Феде тогда после встречи с этими парнями остался большой синяк и челюсть потом

долго болела, особенно, во время еды.

«Сейчас начнётся что-то нехорошее!» – подумал Федя, пожалев, что оставил дома свой нож. Хотя, смог бы он испугать ножом этих отморожков?

Вдруг Федя услышал крики и рычание. Отморозки в кожаных куртках разошлись в стороны. Федя увидел, как Чарли прорывается сквозь толпу, кусая обидчиков хозяина за ноги. Парни вскрикивали и нагибались, держась руками за прокушенные ноги. Двое парней, увидев Чарли, сразу отскочили в сторону. В глазах их Федя увидел испуг. Они отбежали метра на четыре, стояли и смотрели, не решаясь подойти ближе.

Парень, который держал нож у Фединогорла, опустил его и направил на Чарли. Чарли в это время крепко вцепился зубами в икру рыжего толстого парня, иногда мотая головой из стороны в сторону. Рыжий лежал на земле и орал во всё горло. Из его ноги хлестала кровь, заливая землю вокруг него. Штанина его спортивных штанов была изодрана в клочья.

– Убери собаку! – прокричал парень с ножом. Он уже не был лихим рэкетиром, которым показался Феде вначале. Теперь он был испуганным подростком. Голос его дрожал, нож прыгал в руке.

– Ну, уж нет! – сказал Федя, видя, что бояться ему уже нечего. Страх отошёл на задний план. Остались только злость и желание расквитаться за прошлую встречу. – Чар-

ли, куси этого!

Выпустив из пасти ногу толстяка, Чарли прыгнул на парня с ножом, крепкой хваткой вцепившись ему в руку. Нож выпал из руки парня и воткнулся в землю, парень завизжал. Он дёргал рукой, пытаясь освободить руку, бил Чарлика по голове второй рукой, пытался пнуть его, но Чарли уходил от ударов, дёргая головой и двигаясь на своих сильных лапах вперёд-назад, вправо и влево.

В какой-то момент пацан упал на землю. От его визга у Феде заложило уши. Феде показалось, что Чарли сорвал всю кожу с его руки, оставив только мясо. Федя никогда не видел столько крови. В какой-то момент Феде стало жалко этого парня и его покусанных товарищей, которые сейчас стояли в стороне и наблюдали, за происходящим. На их лицах Федя видел даже не страх, а ужас. Одновременно с этим Федя почувствовал, как его тело наполняется энергией. Словно он подпитался их страхом, хотя минуту назад страшно было ему.

– Чарли, фу! – крикнул Федя.

Пёс отпустил руку парня и сел у Фединых ног.

Держась за согнутую в локте руку, из которой лились струйки крови, повизгивая, парень встал с земли. Пошатываясь, он дошёл до своих друзей, которые стояли кучкой за деревьями. Ни у кого не было желания подойти ближе. Судя по тому, что большинство парней морщились, держась за бёдра и за икры, Чарли поработал на славу.

– Молодец, Чарли! – Фёдор потрепал пса по холке.

Чарли прижал уши, облизал языком окровавленную пасть. Федя пристегнул поводок к ошейнику, и они не торопясь, пошли домой.

12

Стоя за деревьями, парни выкурили по сигарете, осмотрели свои раны. Они всё ещё были в шоке, поэтому никто не произнёс ни слова. Такого с ними ещё не было. Они стояли за деревьями, видели одиноко стоящего паренька. У них сложилось такое впечатление, что он или кого-то ждал, или просто стоял. Никто нигде не видел собаку, поэтому решили подойти к пареньку и отобрать у него деньги. Для парней, которые считали себя криминальными авторитетами дворового масштаба, нападение здорового пса было полной неожиданностью.

Почти все разошлись по домам, чтобы залечить раны.

– Тебе в больницу нужно, Паша! – сказал Кирилл, осматривая окровавленную руку товарища. – Вот это зубы! Он насквозь тебе руку прокусил!

– Знаю, что не облизал! – Паша достал из кармана носовой платок, обмотал им кровоточащую руку. Дождавшись, когда лох со своей собакой скроется за углом дома, Павел подошёл к месту побоища, нашёл свой нож, который торчал из земли, сложил его и убрал в карман. Этот нож ему подарил брат пе-

ред первой ходкой. Жалко было лишиться такого хорошего подарка.

– Пацаны! Я вспомнил этого лоха! – морщась от боли, прохрипел Паша.

– Что-то рожа знакомая, где-то мы его раньше видели! – согласился Саня по кличке Рыжик.

– Мы его летом уработали. Это кореш Дауна.

– Точно! Он самый! – закивали головами парни.

Чтобы лишний раз не «палиться» и избежать ненужных вопросов, решили в больницу не идти, а лечиться самостоятельно. Под выражением «лечиться самостоятельно» подразумевалось то, что парни планировали прийти в заброшенный двухэтажный дом в двух кварталах от того места, где они повстречали Федю и Чарли, и прибегнуть к помощи наркотиков.

– Сейчас пойдём на хату, ширнёмся, а завтра будем думать, что делать дальше, – проговорил Паша, покачивая ноющую от боли руку, как маленького ребёнка.

– Это называется нетрадиционной медициной, – пошутил Толик, но никто не засмеялся.

– Макс, Колян! Помогите Рыжику!

Максим с Колей не стали возражать. Сейчас они больше всего боялись, что их могут «пустить под молотки», то есть избить за то, что они стояли и смотрели, как собака Лоха расправляется с их друзьями. Ни того, ни другого пёс не тронул, потому, что они успели отойти в сторону. А что им ещё

оставалось делать? И Макс, и Коля в детстве были покусаны собаками, оба с детства панически боялись собак.

Подхватив под руки сильно хромающего и стонущего на каждом шагу Саню, они повели его к «хате». Рыжик стонал на каждом шагу.

– Ничего, сейчас мы тебя подлечим! – говорил Максим Рыжику. – Потерпи, немного осталось.

Раньше «хата» была двухэтажным бараком, жильцов которого расселили в силу его ветхости, но сносить почему-то не торопились. После того, как жильцы покинули барак, его заселили бомжи. Жильцам окрестных домов не нравилось такое соседство, но больше всего это не нравилось Паше и его команде. Когда наступила осень, им срочно понадобилось место для притона, где можно было собираться для нескучного времяпровождения. Где-то им нужно было пить спиртное и колоться. Пацанам надоело скитаться по подъездам, по чердакам и по подвалам. Для них барак был идеальным местом.

Однажды вечером, уловившись для храбрости, малолетние наркоманы заявили в барак с бейсбольными битами, с металлическими прутами и с кастетами. Бомжи в это время были в «отключке», поэтому наркоманам не составило большого труда избить их и выгнать на улицу. Молодые отморозки не знали, что женщина и трое мужчин, которых они избивали, в тот же вечер умерли от полученных травм, а ещё двое бомжей умерли от переохлаждения. После бомжей

осталась кое-какая мебель, кучи вонючего тряпья и горы пустых бутылок, но наркоманов это не смущало. Пацаны долго праздновали победу, на празднование к ним приходили все окрестные наркоманы. С того времени барак стал официальным притоном. В бараке наркоманы вели себя тихо, чтобы не привлекать к себе внимание, поэтому ни жильцы домов, ни милиция их не трогали. Прохожих вблизи притона они старались не грабить.

Дойдя до барака, пацаны остановились. Макс с Коляном обошли барак, заглянули внутрь. Не увидев ничего подозрительного, они подали знак и все остальные ввалились в притон. На первом этаже уже сидели Гумер, Штырь и две их подруги. Судя по их виду, они уже были под «кайфом». Они никак не прореагировали на появление Пашиной команды, что Пашу только обрадовало. Хоть не нужно будет делиться «кайфом» с этими конченными. Гумер в последнее время был всем должен, но не торопился отдавать.

Пацаны поднялись на второй этаж. Там никого не было. Из куч тряпья парни выбрали тряпки, которые на их взгляд были чистыми, стали делать себе перевязки. Тряпки они смочили водкой, которую купили в продуктовом киоске для «дезинфекции».

– Ну, лох, ну сука! – морщась от боли, причитал Саня. – Это надо же, его собака мне новые штаны порвала!

– Ты ещё легко отделался! Этот Бобик мог тебе ногу отгрызть! А-А-А! – Паша приложил смоченную водкой тряпку

к окровавленной руке. – Пацаны! Я что-то сомневаюсь, что само заживёт. Эта тварь мне насквозь руку прокусила!

– Дай посмотреть! – Макс приблизился к Паше.

– Иди-ка ты, урод! – Павел ударил Максима кулаком в лицо, глаза его гневно сверкнули. Все услышали, как щёлкнули зубы Макса. – Стояли они в сторонке... Козлы! Не хватило ума помочь!

Макс ничего не ответил. Он схватился рукой за нижнюю челюсть и отошёл в сторону.

– Паша, мы пытались... – оправдывался Коля.

– Заткнись! Сейчас и ты у меня по харе получишь!

Когда раны были обработаны, Кирия развёл костёр в середине комнаты, как раз под дырой в крыше. Пацаны расселись вокруг костра и пустили кайф по венам. Шприц передавался по кругу. Через минуту они забыли про взаимные обиды и вновь стали одной командой. Всех охватило ощущение счастья и покоя.

«Я лечу!» – прошептал Саня. Нога уже не болела. «Нетрадиционная медицина» подействовала.

Пацаны сидели кружком и остекленевшими глазами смотрели на разгорающийся костёр. Со стороны они напоминали индейцев у костра. Не хватало только трубки мира. Языки пламени поднимались куда-то вверх, освещая лица парней ярким оранжевым светом. Вдруг в бараке послышалась музыка, а из огня стали появляться руки. Сначала появились огненные кисти рук, потом голова, плечи. Из огня поднима-

лась молодая, красивая девушка, не старше семнадцати лет. Черты лица её были прекрасны, её стройная фигура с торчащими огненными грудями была божественной.

– Пацаны, я слышу музыку, я вижу тёлку! Огненную Тёлку! – прошептал Макс.

– Я тоже её вижу, – произнёс Павел. – Не пойму, откуда музыка?

– И я её вижу, – сказал Колян, глядя на обнажённую девицу полузакрытыми глазами. – Кирюха, ты что купил? Меня ещё никогда так не торкало.

– Меня тоже так не торкало... – тихим голосом ответил Кирилл.

Огненная девица уже стояла перед парнями в полный рост. Они видели, как она дышит, как поднимается и опускается её грудная клетка.

– Она живая ... Как настоящая! – Глаза Коляна расширились от удивления, когда девица нагнулась и, склонив голову набок, улыбнулась ему.

– Вы видели, пацаны? Вот это сиськи! – Паша протянул руку, хотел дотронуться до ягодиц странной красотки, но она увернулась от его руки, вышла из костра и стала танцевать вокруг парней.

Такого танца они ещё никогда не видели. Девушка прыгала, кружилась вокруг парней. Они не могли оторвать глаз от её лица, от её груди, бёдер, ягодиц. Её движения были плавны и грациозны. Казалось, она сошла со страниц какого-ни-

будь эротического журнала.

– Я хочу тебя! Мы займёмся с тобой любовью? – спросил Павел, но девушка не ответила. Она продолжала танцевать под странную музыку. Там, где ступала её нога, загорался огонь.

Слышались звуки скрипки, перезвон колокольчиков, женское пение. Никто из пацанов никогда не слышал подобной музыки. Это не «попса» и не «классика», это было что-то особенное. Эта музыка успокаивала и убаюкивала, создавая ощущение счастья.

– У х ты... Огневушка-Поскакушка, блин! Дай я тебя обниму, что ли? – Колян хотел протянуть руки, чтобы прикоснуться к упругим ягодицам огненной красавицы, но руки не слушались. Они, как две верёвки, безвольно висели вдоль его тела. Коля даже не мог пошевелиться

«Что за фигня?» – подумал Коля.

Внезапно красавица обернулась, и вместо улыбающегося девичьего лица Коля увидел оранжевый череп с пустыми глазницами, обрамлённый длинными волосами. Волосы колыхались, как на сильном ветру. Молодое, привлекательное тело вдруг превратилось в кости, обёрнутые саваном. Костлявая рука прикоснулась к плечу Кости, и он почувствовал сильное жжение и увидел, что плечо горит. Он хотел бы сбить пламя, но не мог даже пошевелиться. Когда загорелись волосы на голове, он стал кричать. В следующее мгновение он увидел стену огня и дыма. Глаза слезились, лёгкие обжи-

гало при каждом вдохе.

Кирия смотрел на девушку, чувствовал, как наливается кровью его член. Как он хотел её! Вдруг он увидел, как девушка превратилась в осьминога. Осьминог стал опутывать своими щупальцами тело Кирилла, которое вдруг стало неподвижным. Как он ни старался, ему не удалось даже пальцем пошевелить. Он лежал на куче тряпья, которая превратилась в гигантский костёр. Его тело охватило пламя. В то же мгновение Кирилл почувствовал жжение во всём теле. Хотелось вскочить, сбить пламя, но Кирия мог только кричать. Он кричал во всю мощь своих лёгких, слышал дикие крики своих друзей, а осьминог обвил его щупальцами, прижал Кирилла к себе. В следующую секунду Кирилл увидел рот осьминога, похожий на клюв попугая. Рот широко раскрылся, и осьминог проглотил Кирилла.

Саня лежал и смотрел на танцующую девушку. Она двигалась с грацией лани, иногда она оглядывалась на Саню, словно говоря: «Возьми меня! Я твоя!». Только Саня почему-то не мог пошевелиться. Внезапно волшебная музыка стихла, и со всех сторон раздались душераздирающие вопли. Барак превратился в один большой костёр, из которого выплыла большая акула. Акула кружила вокруг Рыжика, периодически откусывая от него руки, ноги. На месте укусов не было крови. Там появлялись языки пламени и невыносимое жжение. Саня кричал до тех пор, пока акула не откусила ему голову.

Паша увидел, как клёвая тёлка, сделав круг по бараку, превратилась в огнедышащего дракона, который махал крыльями и плевался огнём. Паша видел его толстое брюхо, покрытое чешуёй, короткие лапы, оканчивающиеся длинными острыми когтями. Дракон рос на глазах у Паши. Он становился больше и больше. Он уже заполнил своим большим телом весь второй этаж барака. Там, где раньше сидели Пашины друзья, сейчас были четыре орущих, извивающихся факела. Павел почувствовал, как горит его тело, попробовал встать, но не смог. Он начал кричать, но пожалел об этом, потому, что дракон, учуяв Павла, повернул к нему свою большую голову, открыл пасть, полную гигантских зубов и съел его.

Один Максим не чувствовал боли, не кричал и не видел, во что превратилась Огневушка-Поскакушка. Он умер от передозировки в тот момент, когда из огня появились кисти рук огненной девушки.

На следующий день в «Новостях» передали следующее: «Серьезный пожар произошел вчера вечером на улице Лучевая, в результате которого сгорел дом под номером 12. Это был барак, предназначенный для сноса. Бывшим жильцам этого дома несколько месяцев назад предоставили другое жильё. Пока дом пустовал, в него заселились бомжи. По мнению жильцов соседних домов, именно они стали виновниками пожара. Площадь пожара составила 400 квадратных метров. Когда пожарные затушили огонь, были обнаружены

пять обгоревших трупов. Личность погибших уточняется».

– Какой ужас! – произнесла Галина Дмитриевна, оторвавшись от вязания.

– Так им и надо, алкашам этим! – Иннокентий Фёдорович с невозмутимым видом продолжал читать газету.

– Круто поджарились! – сказал Федя, когда показали фрагменты обгоревших тел. Он и представить не мог, что на экране телевизора видит останки тех парней, которые вчера, угрожая ножом, хотели его ограбить.

13

А жизнь продолжалась. Учёба в колледже давалась Феде легко. Не прилагая особых усилий, он учится на четвёрки и пятёрки. Сокурсники его тихо ненавидели, писали на столах нелестные высказывания в адрес Феде, но ему на это было наплевать. В колледже он общался с Ромой и с некоторыми Ромиными друзьями. Дома, во дворе, у Феде появились новые друзья и подруги. Стоило ему только выйти с Чарликом во двор, вокруг него собирались ребята. Кто-то просто хотел пообщаться, кто-то в это время гулял со своим четвероногим другом. На пустыре сейчас постоянно собирались собаководы, так что недостатка в общении Федя не испытывал. С ним стали общаться даже те, кто в школе на него не обращали внимания.

Наташа Симонова когда-то училась с Федей в одном клас-

се. Хотя они жили в одном подъезде, Наташа никогда не общалась с Федей, считая его непривлекательным. Однако, в последнее время она стала замечать, что из ощипанного цыплёнка Федя стал превращаться в красивого молодого мужчину. Федя стал выше ростом, шире в плечах. Внешне он тоже Наташе нравился. Каждый раз, когда она видела Федю, гуляющим с собакой, она подходила к нему, чтобы пообщаться. Федя был неглупым, добрым, внимательным. Наташе нравился его пёсик, с которым раньше почему-то гулял Даун.

Федя нисколько не удивлялся тому, что у него стало так много друзей. Он считал, что Чарли, как магнит, притягивает к себе внимание. Не было бы Чарлика, Федя по-прежнему был бы один. У Феде сложилось впечатление, что с появлением в их квартире собаки всё стало меняться в лучшую сторону. А не потому ли у Киселёвых всё закончилось так трагично? Может, они ехали за город, чтобы оставить там Чарлика, привязав его к толстому дереву? Федя не знал ответ на этот вопрос. Если Чарли что-то знал, он бы никогда не сказал этого Феде. Собаки говорить не умеют!

Боре Пятакову Федя не нравился с первого дня учёбы. Боре не нравилось, что Игнатъев постоянно держится особняком, ни с кем не общается из группы, дружит со старшекурс-

никами. «Наверное, этот урод возомнил, что он лучше нас! – с раздражением думал Борис, глядя на Федю. – Не понятно, почему его все побаиваются? Скурихин, Шестаков и Палкин говорят, что у Игнатьева какие-то сильные криминальные связи. По-моему, Федя простой лошарик. Нужно как-нибудь подшутить над ним, чтобы сбить с него спесь. Как бы я хотел снова видеть его таким же, каким он был на первом курсе!»

Однажды, когда у Бори было плохое настроение, он сидел и думал, что бы такое сделать Феде, чтобы поднять себе настроение. Боря увидел, что у Феде новый пакет, в котором он носит свои конспекты. На пакете была изображена блондинка с большими грудями. На Борином пакете были изображены какие-то цветочки.

Когда началась перемена, Боря дождался, когда Федя выйдет из кабинета, подошёл к входной двери, посмотрел вслед удаляющемуся Феде. Когда Федя в конце коридора повернул направо, Боря подошёл к Фединому столу, достал из кармана лезвие и исполосовал Федин пакет.

Все, кто находились в этот момент в аудитории, притихли, наблюдая за действиями Пятакова.

– Чего притихли? – весело спросил Пятаков, оглядывая аудиторию. – Он нас за людей не считает. Может, хоть сейчас он обратит на нас внимание?

Боря держал Федин пакет на вытянутой руке, любуясь своей работой.

– По-моему, ему нужно пакет сменить! – давясь от смеха, сказал Боря. В этот момент из дыры в пакете выпал свёрток и упал на стол. Развернув свёрток, Боря увидел нож, похожий на охотничий, с широким острым лезвием и толстой рукояткой. Боря вдруг перестал смеяться, покраснел и почувствовал, как на лбу его выступили капли пота. Кажется, теперь он понял, почему Игнатьева никто не трогает, почему Игнатьев ни с кем не общается. Он ненавидит всех! Борю вдруг бросило в жар. Дрожащими руками он завернул нож в тряпку, положил свёрток в пакет, и сложил пакет так, чтобы не было видно порезов. Когда Боря возвращался на своё место, он встретился взглядом с глазами Димы Шестакова.

– Дурак ты, Боря, – сказал Дима, – он же тебя сейчас во все щели за свой пакет поимеет. Ты просто не представляешь, в какое дерьмо ты вляпался.

– Ничего, – с беззаботным видом ответил Боря, садясь на своё место. – Он поймёт, что это шутка.

В кабинет вошёл Федя. В руке у него была толстая книжка по гидравлике, с белой наклейкой на обложке, из чего все сделали вывод, что Федя был в библиотеке. Федя сел за свой стол, развернул пакет, замер. В кабинете царил полная тишина. Все смотрели на Федю. Федя подержал в руках разрезанный пакет, потом обернулся и оглядел всех, находящихся в аудитории. У Бори внутри всё похолодело. Он увидел глаза Феде, и ему почему-то стало страшно.

– Ну и какой дебил это сделал? – спросил Федя, держа на

вытянутой руке свой пакет.

– Это не я, – сказала Марина Пургина. – Не расслабляйся, следи за своими вещами!

Федя кивнул головой в знак согласия и стал с интересом рассматривать учебник по гидравлике.

Пока шли лекции, Боря следил за Федей и пришёл к выводу, что его шутка не произвела на Федю должного впечатления. Он даже не расстроился. Однако реакция сокурсников Борю удивила и насторожила.

Когда закончились лекции, Боря не торопился домой. Он подождал, когда уйдёт Федя, а потом стал собираться.

«Мало ли что? Вдруг он и вправду такой страшный», – думал Боря.

Направляясь от здания колледжа до трамвайной остановки, Боря постоянно оглядывался, не следил ли кто за ним? Но слежки не было, прохожих было немного, а те, что были, не обращали на Борю никакого внимания.

Дойдя до остановки, Боря ещё раз посмотрел по сторонам. Ничего подозрительного. Боря облегчённо вздохнул, сел в трамвай десятого маршрута. Боря жил на другом конце Гневинска. Чтобы добраться от колледжа до дома, ему нужно было доехать на десятом трамвае до автовокзала, а там пересесть на автобус сорок девятого маршрута. На то, чтобы добраться до дома, у Бори уходил час, а иногда больше. Поначалу его это раздражало, а потом он привык.

Как всегда, доехав до автовокзала, Боря пересел на сорок

девятый автобус. Он пробил билет в компостере, положил билет в карман кожаной куртки и сел у окна. На площади Революции в автобус зашли контролёры.

«Граждане! Предъявите билеты, пожалуйста!» – услышал Боря хриплый голос и не спеша, полез в карман куртки за билетом. Однако Боря был очень удивлён, когда рука свободно прошла через карман и беспрепятственно вышла с боку. Боря вскочил, начал осматривать куртку. Какие-то твари порезали ему карманы на куртке справа и слева. Там, где раньше были карманы, сейчас висели куски кожи. Пропало портмоне с деньгами, пропал носовой платок. Билет тоже пропал.

«Вот сволочи! – с обидой подумал Боря, слёзы навернулись на глаза – новую кожаную куртку испортили! Я родителей целый год упрашивал, чтобы мне кожанку купили. Падлы!»

В это время прямо над ухом Бори громко прозвучал грубый голос, оторвав Борю от размышлений, и вернув к реальности. От неожиданности Боря даже вздрогнул.

– Билетики предъявляем на проверку!

– Понимаете, у меня был билет, но у меня его украли! Только что ... – глядя в широкое лицо контролёра, с лиловым синяком под левым глазом, произнёс Боря.

– Ах, какая жалость! – с издёвкой в голосе произнёс контролёр – На выход!

– Мне в милицию надо, меня обокрали! – на ходу бормотал Боря, но контролёр его словно не слышал. Он креп-

ко схватил упирающегося Борю за руку и тащил к выходу. Только они вышли из автобуса, двери закрылись и автобус отъехал от остановки.

– Ещё одного зайца поймал! Говорит, что его обокрали! – контролёр подвёл Борю к толпе кондукторов, стоящих у остановки. Кондуктора громко засмеялись.

– Ай-яй-яй, – выкрикнул мужской голос из толпы. – Обокрали и в автобус насильно запихнули!

Кондуктора опять заржали. В толпе кондукторов Боря насчитал пятерых мужчин и двух женщин. Все, как один, сильно смахивали на алкашей.

– Я серьёзно, меня только что ограбили, мне в милицию нужно! – продолжал настаивать на своём Боря.

Вдруг контролёры расступились, из толпы вышел широкоплечий двухметровый амбал в дублёнке. Справа и слева от него стояли два крепких мужичка, но поменьше ростом.

– В милицию ты сегодня, боюсь, не успеешь, а вот больницей я тебя обеспечу. Штраф плати! – Громила сверлил Борю злобным взглядом.

– Денег нет, – пролепетал Боря, почувствовав, как в горле вдруг стало сухо, и показал на свои обрезанные карманы, висящие по бокам, как уши спаниеля.

– Всё понятно, Вася! Это очередной голодранец, который любит на халяву прокатиться! – сказал тот, что стоял справа от амбала.

– Меня обокрали! Мне...

Контролёры не дали Боре договорить. Два контролёра, которые стояли рядом с громилой, взяли Борю под руки. Тот, который вывел Борю из автобуса, схватил Борю за воротник куртки. Они завели Борю за киоск, стоящий у остановки.

– Мужики, я чест...

Один из контролёров ударил Борю в челюсть. Боря упал на снег, почувствовал лёгкое головокружение. Второй контролёр пнул Борю ногой в живот. Боря вскрикнул, прижал руки к животу. Потом пинки и удары посыпались со всех сторон, как из рога изобилия. Боря кричал, извивался на снегу, как змея. В какой-то момент боль стала нестерпимой, и Боря потерял сознание.

Очнулся он от того, что кто-то трясёт его за плечо. Открыв глаза, Боря увидел склонённое над ним лицо пожилой женщины.

– Вставай, а то замёрзнешь!

Боря попытался встать. Голова кружилась, всё тело болело. Ему удалось встать на ноги только с третьей попытки.

– Такой молодой, а уже пьяница! Тьфу! – Женщина смотрела на Борю с презрением. – Ты где так нажрался-то?

Борис пытался что-то сказать, но из окровавленного рта раздавались только нечленораздельные звуки.

– И водкой не пахнешь... Так ты из этих, как их? Из наркоманов?

– Нет! – с трудом ответил Боря, сплюнув комок крови на снег. – Меня избили и ограбили!

– Может, милицию вызвать, – не унималась женщина.

– Нет... Хватит с меня на сегодня!

– Ну, смотри... Я бы вызвала милицию. Может, тебе скорую помощь нужно?

Борис ничего не ответил, лишь отрицательно покачал головой.

– Ну ладно, я пошла. Ой, мой автобус идёт! – женщина поспешила к подъехавшему автобусу.

Боря осмотрел поле боя. Снег в радиусе двух метров был забрызган кровью. Боря зачерпнул ладонью горсть снега и вытер лицо. Постояв немного и собравшись с силами, Боря пошёл домой пешком. Оглядываясь на автобусную остановку, он не увидел кондукторов. Не увидел он их и позже, когда проезжал мимо этой остановки. Каждый раз, проезжая мимо того места, Боря испытывал животный страх, который сковывал его тело ледяными тисками и заставлял сердце учащённо биться в груди.

На следующий день Боря всё-таки пришёл в колледж, хотя ему хотелось остаться дома. Его лицо было похоже на один большой синяк, а всё тело ныло. Даже тональный крем не мог скрыть от всех следов побоев.

– Я же тебе говорил, что ты дурак, а ты мне не поверил! – сказал Дима Шестаков, разглядывая лицо Бори. Боря не стал с ним спорить, только кивнул головой в знак согласия.

Глядя на лекциях на Федю, Борис думал о том, что Федя не лошарик, каким он его себе представлял. Федя – чудови-

ще. Борис уже не сомневался в его сильных связях и в том, что Игнатьев злой и мстительный. Поэтому с ним никто не общается, и никто его не любит. Вот бы отомстить ему, но как?

15

План мести созрел в голове Бориса Пятакова сам собой. Через две недели после неприятного для Пятакова инцидента, должны были дать стипендию. Боря знал, что Федя учится хорошо и, скорее всего, ему дадут стипендию.

Пятаков договорился с двумя своими знакомыми наркоманами, с Ваней Багиным и с Толей Ганиным. После окончания лекций они должны были дождаться, когда Игнатьев выйдет из колледжа, завести его за забор, огораживающий спортивную площадку и забрать у него деньги. Боря знал про Фединоного друга, здоровенного четверокурсника, но в последнее время четверокурсник редко появлялся в колледже, и они никогда с Федей не шли до трамвайной остановки вместе. Как правило, они прощались у выхода из колледжа, потом Федя шёл в сторону трамвайной остановки, а его дружок уходил куда-то во дворы. Вероятно, он живёт где-то неподалёку.

Федину стипендию планировали поделить на три равные части по одной трети каждому.

В назначенный день, когда Боря узнал, что стипендию пе-

речислили, он позвонил с проходной колледжа Ване с Толей, и через полчаса они уже были у колледжа. Они встали под деревьями у высокого забора, огораживающего спортивную площадку. Боря рассказал им, как выглядит лох, как он будет одет и во сколько выйдет из колледжа. Чтобы пацаны не ошиблись, Боря пообещал подать им сигнал.

Когда прозвенел звонок, символизирующий окончание лекций, Толя с Ваней стояли на крыльце колледжа. Хотя это было далеко не первое их «дело», они немного нервничали. Стоя на крыльце, они успели выкурить по две сигареты, пока не увидели толпу учащихся, выходящих из колледжа. Они заметили Борю, который сильно хромал. Боря шёл следом за двумя парнями, один из которых внешне смахивал на медведя. Второй был среднего роста, тощий. Такого можно испугать даже без оружия.

– Если лох – это здоровяк, я сваливаю отсюда, – шепнул Толя Ване на ухо.

– Я тоже, – прошептал Ваня.

Но, к счастью, Боря указал рукой на того, который меньше и побежал в сторону трамвайной остановки.

Лох и здоровяк отошли от крыльца, немного поговорили, потом здоровяк повернул направо, во дворы, а лох пошёл в сторону спортивной площадки. Теперь парням нужно было идти за лохом и, когда он дойдёт до входа на площадку, затащить его за забор и забрать бабки. Всё просто!

Толя с Ваней стали ускоряться. Вдруг Ваня поскользнулся

и упал. Как он мог упасть на ровном месте?

– Вставай Ваня! – Анатолий был вне себя от злости. Лох в это время миновал спортплощадку и подходил к перекрёстку.

Ваня не вставал. Он лежал на заледенелом асфальте, держась одной рукой за голову. Вторая рука была вывернута под неестественным углом. Ваня стонал.

– Ваня! – Толя уже не злился на него. Он понял, что произошло что-то серьёзное, и не на шутку испугался. – С тобой всё в порядке?

Анатолию уже было наплевать на лоха и на Борю. Сейчас он мог думать только о том, что с его закадычным другом Ваней, с которым они мотали срок в колонии для малолетних, произошло что-то страшное.

Ваня не отвечал, продолжая стонать. Вокруг парней тут же образовалась толпа любопытных прохожих.

– Что с ним случилось?

– Он что, пьяный?

– Нет, он просто упал! – со злостью в голосе выкрикнул Анатолий. – Не стойте здесь, идите по своим делам! Мы сами справимся!

Толя попытался поднять Ваню, но Ваня так громко зарорал, что Толик сразу его отпустил, и Ваня опять шмякнулся головой об асфальт.

– «Скорую» вызвать? – спросил Толя, глядя на перекошенное от боли лицо Вани.

– Да! – сквозь зубы процедил Ваня.

Анатолий зашёл в колледж, с проходной по телефону вызвал скорую помощь. Он не знал, что сорок минут назад с этого телефона звонил Боря, чтобы сказать про стипендию.

Позднее выяснилось, что, падая, Ваня сломал себе левую руку в локтевом суставе и получил сотрясение мозга.

Через две недели Ваня с Толей поджидали Борю на том же месте, где когда-то ждали Федю, завели Борю на спортплощадку и потребовали с него денег.

– За что? – удивился Боря, – Вы лоха не обули, денег нет, так что извиняйте...

– Мы потратили своё время, а Ваня потратил своё здоровье, – спокойным голосом сказал Толик, указав Рукой на Ваню.

Ваня демонстративно потряс загипсованной рукой.

– Мы так не договаривались! – взвизгнул Боря и направился к выходу.

– Нет. Постой... – Анатолий развернул Борю лицом к себе и ударил кулаком по носу. Кровь полилась из обеих ноздрей, заливая лицо Бори.

– Ты чего, Толик! – в ужасе закричал Боря, прижимая ладонь к разбитому носу.

– А вот ничего! – С этими словами Анатолий налетел на Борю, повалил его на снег и начал бить кулаками.

Ваня бегал вокруг лежащего на снегу Бори и пинал его ногами. Выместив на Боре злость, пацаны сняли с него новый

пуховик, который родители не так давно купили Боре вместо испорченной кожаной куртки, сдёрнули с его руки часы и ушли, кинув ему рваную спортивную куртку с выцветшей надписью «Лос-Анжелес Кингс» на спине.

«Ну, Игнатъев, ну сука! Как я его ненавижу, – думал Боря, вытирая с лица кровь и надевая на себя старую рваную куртку, – и что я родителям скажу?»

16

Когда Федя окончил второй курс, Рома закончил колледж. Это не помешало их дружбе. Они по-прежнему перезванивались по вечерам, ходили друг к другу в гости. Иногда Рома заходил в колледж, чтобы повидаться с преподавателями и с Федей. Роме сделали операцию на коленных суставах. После операции Рома зашёл в колледж, задрал штанины вельветовых брюк и показал Феде свои ноги, обмотанные эластичными бинтами, как у египетских мумий.

– Зачем тебе это надо? – как-то спросил его Федя, когда они пили пиво в гостях у Ромы и смотрели боевик с Джеки Чаном по видеоманитофону.

– Надоело чувствовать себя инвалидом. Я устал от этих потрескиваний в коленях.

– А если тебя заберут в армию?

– Ничего страшного, отслужим как-нибудь, – беззаботным голосом сказал Рома, хлопнув Федю по плечу. – Нет, ты

прикинь, Федя! Я лет пять хромал, комплексовал, чувствовал себя инвалидом, а скоро я бегать смогу. Каких-то три недели и я – новый человек! Сейчас можно и в армию. Здоровеньким и умереть не страшно.

– Переплюнь! – мрачно сказал Федя.

Через полгода Рому забрали в армию. Когда несколько Роминых друзей и Федя провожали Рому в армию, Федя с удивлением узнал, что Рому берут в войска специального назначения.

Примерно через три месяца после того, как Рома отправился служить, Феде стали сниться странные сны.

Однажды ему снился здоровенный парень в камуфлированных штанах с большими карманами по бокам и в тельняшке. Парень кричит на него, на Федю, хочет, чтобы тот что-то сделал. Федор вдруг осознает, что находится в казарме, видит ряды коек с лежащими на них солдатами.

–Ты чего, охренел, дух поганый! – Парень переходит на крик, наотмашь бьёт Федю по лицу.

Федя в ответ бьёт этого парня в тельняшке кулаками и пинает ногами. Только это не Федины маленькие кулачки. Это здоровые кулачищи и такие же здоровенные ноги, обутое в сапоги сорок пятого размера. Федя лупит этого парня, и замечает толпу других парней в тельняшках, которые со всех сторон окружают его и начинают мутузить. Федя уворачивается, блокирует удары, бьет, чувствует, как его кулак врезается в плоть, противники падают, поднимаются с пола, опять

нападают. Сплюнув на деревянный пол сгусток крови, Федор хватает прикроватную тумбочку, кидает в нападающих.

После этого он видит себя в больничной палате. Стены и потолок палаты выкрашены в белый цвет. Он лежит на больничной койке, красивая медсестра сидит на краю его койки и обматывает его голову бинтом. Она нагнулась над Федей. Федор видит её пышную грудь в вырезе белого халата, чувствует сладковатый запах духов медсестры. Он протягивает руки, хочет прижать медсестру к себе, но она быстро встаёт и, загадочно улыбаясь, выходит из палаты. Федя замечает, что его руки обмотаны бинтами.

Следующий эпизод: пригибаясь, он бежит между развалин домов. Слышит, как свистят пули, видит, как рвутся снаряды, осыпая его комьями земли. В руках у Федеи автомат Калашникова. Он видит яркие вспышки впереди, не целясь, стреляет в их сторону.

Спрятавшись за грудой кирпичей, Федя вставляет в автомат рожок, передёргивает затвор. Мимо него пробегает солдат, с которым он дрался. Солдат смотрит на Федю, наводит на него ствол автомата. Федя инстинктивно закрывает голову руками, прижимается к кирпичам. Вдруг солдат падает на землю, Федя видит круглую дыру у него на виске, из которой течёт кровь.

Федя видит женщину кавказской внешности в чёрном платье. Поверх платья на ней надета зелёная вязаная кофта,

на голове у женщины чёрный платок.

– Стой! Стой, стрелять буду! Назад! – кричит Федя, но женщина не реагирует и продолжает идти вперёд. Её лицо бледное, как луна. Глаза смотрят на Федю, не мигая.

Федя снимает автомат с предохранителя, стреляет. Женщина падает на землю, раскинув руки в разные стороны.

Федя хочет подойти к ней, но его опережает широкоплечий мужчина в камуфляже, с майорскими погонами. Он подходит к женщине, нагибается, растёгивает на ней кофту. Через его плечо Федя видит, что тело женщины обвешано взрывчаткой.

– Назад, всем лечь! – кричит майор.

Федя бежит в сторону укреплений, слышит взрыв за спиной, падает на землю. Чувствует, как боль пронзила левое плечо, а уши заложило.

Ещё один сон: Федя опять лежит на больничной койке. На его плече широкая повязка. В палату заходит та же симпатичная светловолосая медсестра. Она садится на край койки, кладёт теплую ладонь на лоб Феде, целует его в губы. Потом Федя видит, как медсестра растёгивает свой ослепительно белый халат. Следующая картинка: Федор занимается любовью с медсестрой. Медсестра стоит на коленях, оперевшись руками на металлическую спинку кровати, Федя прижал её к себе правой рукой, вошёл в неё сзади. Федя двигает тазом, слышит стоны медсестры. Он целует её волосы, плечи, чувствует запах её волос. Федя начинает ускоряться, чувствует,

что вот-вот... и просыпается.

В другой раз Феде снилось, как он бежит с автоматом в руках, стреляет на ходу. Рядом бежит солдат, тоже стреляет. Федя видит, как рвутся снаряды, слышит выстрелы. Справа в воздух взметнулись комья земли и камни. Федя падает на землю, прикрыв голову руками. Посмотрев направо, Федя видит голову солдата, который только что бежал рядом с ним. На лице солдата застыла маска удивления, рот приоткрыт, остекленевшие глаза широко открыты. Федя приподнимается на локтях и видит тело солдата, которое всё ещё бежит и стреляет. Федя видит, как пули входят в тело, разбрызгивая кровь, но обезглавленное тело продолжает бежать.

Очень часто Федя видел во сне трассирующие пули, летящие куда-то в темноту. Почти в каждом сне Федя участвовал в перестрелках. Один из таких реалистичных снов Феде особенно запомнился: Федя и несколько парней в камуфляжах прячутся за перевернутым грузовиком. Судя по всему, они находятся на дне какого-то ущелья. Федя видит бородатых мужчин, одетых в камуфляжи. На головах у них чёрные шапочки. Как только кто-то из бородачей появляется в прицеле автомата, Федя нажимает на спусковой крючок, и мужчины падают. Выстрелы, крики, кровь, дым....

Проснувшись после таких снов, Федя часто думал, к чему снятся такие сны? И хорошо, что это всего лишь сны!

Илья Угрюмов с детства страдал kleptomанией. Это психическое заболевание, проявляющееся в склонности к воровству. Врачи говорят, что kleptomания излечима. В лечении этой болезни помогает гипноз, но по статистике, добровольно обращаются к врачам лишь 15 процентов больных. С лёгкой руки журналистов в наши дни слово «kleptomания» слишком часто используется в криминальных репортажах светской хроники бульварных журналов и жёлтой прессы о жизни знаменитостей.

Илья не был тогда знаменитостью, но воровать очень любил. Ему доставляло огромное удовольствие обладать, пусть даже ненадолго, чужой вещью. Страсть к чужому имуществу он не считал ни болезнью, ни недугом. Избавиться или лечиться от kleptomании он никогда бы не стал, ни при каких условиях.

Воровать по мелочам он начал в раннем детстве. Он воровал игрушки в детском саду, а когда не находил игрушки подходящего размера, чтобы уместилась в кармане, он открывал шкафчики детсадовских детей и шарился у них по карманам. Небогатый улов (монеты, солдатик, значки) он приносил домой. Илья мог часами играть с краденными вещами. Когда его приглашали в гости, он также воровал игрушки, деньги, ювелирные украшения. Как правило, после пропажи ювелирных украшений, возмущённые родственники и знакомые приходили к родителям Ильи, ругались и требова-

ли вернуть. Илья всё возвращал, извинялся, говорил, что это получилось случайно, но, тем не менее, ему никогда не было стыдно. И он продолжал воровать.

В школе Илюша воровал у одноклассников карандаши, ручки, линейки, старательные резинки. Однажды он даже умудрился украсть чехол от очков учителя физики. Виктор Семёнович тогда поднял всю школу на уши, но чехол так и не нашли. Когда Илья поступил в колледж и начал курить, он прятал в этом чехле сигареты.

В колледже Илья тоже успел отметиться. На ознакомительной практике, в конце второго курса, он умудрился украсть «заначку» начальника теплоэнергетического цеха Гневинского Металлургического завода, которую тот прятал в рабочие ботинки. Ботинки стояли под шкафом. Илья и несколько человек из группы находились в кабинете начальника цеха меньше минуты, но сразу после ухода учащихся колледжа начальник цеха обнаружил пропажу и поднял шумиху. Чтобы «замять» конфликт, вся группа скидывалась, чтобы возместить начальнику ущерб. Илья не признался в содеянном, но все поняли, что это сделал он, потому, что только он воровал карандаши и ручки, только Илья был в их группе нечистым на руку.

Однажды, на перемене, Илья заметил микрокалькулятор «Касио» на столе Феде и, не задумываясь, положил калькулятор себе в карман и вышел в коридор. Многие это видели, но все сделали вид, что не заметили. Многим было ис-

кренне жаль Ілью, так як для більшості він був психически неадекватним чоловіком, воруячим не з потреби, а з задоволення. І багато не любили Федю за нелюдськість і закритість. Тому, коли Федя зашів в кабінет, виявив пропажу і став її шукати по всій аудиторії, всі з усмішкою спостерігали за ним, і ніхто йому не допоміг, хоча всі, хто знаходилися в аудиторії, знали, що калькулятор украв Угрюмов.

«Не велика пропажа! – думав Федя. – сьогодні скажу отцю, що втратив калькулятор, а завтра він мені дасть трохи грошей і я куплю новий»

«Пусть на пальцах считает!» – глядя на Федю, думав Ілья. Він відчував себе на вершині блаженства. Сьогодні Ілья зробив гадость Ігнат'єву і безкоштовно отримав калькулятор. Подвійна вигода.

Після трьох пар лекцій Ілья вирішив не йти додому. З проходної колледжа він позвонив своїй подрузі, Олі і сказав, що у неї для неї є сюрприз.

–Якої? – не зрозуміла Ольга.

–Маленький, з кнопочками, – відповів Ілья.

Вони домовилися зустрітися у Ольги. Ольга жила у своїй бабусі в двохкімнатній квартирі. Бабушка погано слухала і майже нічого не бачила. Це було на руку Ільї, так

как он мог в любое время приехать к Ольге. Он любил делать ей подарки. Больше всего ему нравилось не столько дарить, сколько смотреть на реакцию Ольги. Илья решил подарить ей калькулятор Феди, так как дома у Ильи уже было три калькулятора, и все – ворованные. «Трофейные», – так любил говорить Илья про вещи, которые ему достались даром.

По дороге Илья купил бутылку «Портвейна», чтобы было, чем согреться. Стоя у Ольгиной двери, Илья представлял, как он подарит ей калькулятор, как она будет радоваться. Он точно знал, что старый калькулятор, на солнечных батарейках, у Ольги сломался. На покупку нового калькулятора у Ольги пока не было денег, так как Ольга с бабушкой существовали на бабушкину пенсию и на стипендию Ольги. Ещё Ольга подрабатывала уборщицей в какой-то фирме.

Нажимая на дверной звонок, Илья представлял, как они с Ольгой выпьют бутылку портвейна, а потом Ольга отработает подарок. На лице Ильи была блаженная улыбка, когда Ольга открыла дверь.

– Привет! – Илья продолжал улыбаться.

– Привет! Ты чего такой радостный? – вид у Ольги был измученный. На ней был старый махровый халат с пятнами засохшей краски на плечах и дырявые тапочки, из дыр которых торчали большие пальцы ног.

«Вот Дура! Не могла к моему приезду подготовиться! Я же ей заранее позвонил, предупредил её!» – подумал Илья.

– Тебя увидел, вот и обрадовался! Я соскучился по тебе! –

улыбка не сходила с лица Ильи.

– Даже так? – левая бровь Ольги поползла вверх.

– Помнишь, ты мне рассказывала про то, что тебе нужно сделать курсовую по бухучёту? ...А у тебя калькулятор сломался. В общем, возьми мой! – Илья протянул Ольге Федин калькулятор с видом, будто от сердца отрывает.

– Спасибо, Илюша, но тебе он тоже может...

– Возьми, возьми! У меня два калькулятора. Этим я никогда не пользуюсь. Что он валяться будет?

– Я прямо не знаю, как тебя отблагодарить? – Ольга рассматривала калькулятор и о чём-то думала.

– Если ты уделишь мне время и выпьешь со мной бутылочку портвейнишки, это будет лучшая благодарность с твоей стороны.

– Проходи на кухню, я пока бокалы принесу, – прошептала Оля, поцеловав Илью в висок.

«Ес! Она на крючке!» – радостно подумал Илья, проходя на кухню.

– Олечка! К нам кто-то пришёл? – послышался скрипучий старушечий голос из комнаты.

– Илья ко мне пришёл. Сейчас будем курсовую делать...

– Кастриюлю делать?

– И кастриюлю тоже, – Оля засмеялась.

Оля зашла в кухню, держа в руках два пузатых бокала. Илья к тому времени уже открыл бутылку. Потом Илья наполнил бокалы.

– За что выпьем? – глядя на Илью большими карими глазами, спросила Оля.

– За тебя, любовь моя! – прошептал Илья и поцеловал Ольгу в губы.

Незаметно прошёл час. Всё это время Оля рассказывала Илье про учёбу в Финансово-экономическом колледже, про то, что она мечтает когда-нибудь стать главным бухгалтером. Потом Ольга стала рассказывать про своих подружек. Илья делал вид, что внимательно слушает, а сам думал о том, какой предлог найти, чтобы затащить Оленьку в её комнату, а там завалить её на мягкую кровать и...

Когда портвейн закончился, щёки Ольги порозовели, а глаза заблестели весёлым огнём.

– Что-то мне холодно! Пойдём в мою комнату?

– Да, не жарко здесь. И от табуретки задница что-то затекла... – Илья обрадовался такому повороту событий. Он уже минут тридцать ждал, когда Ольга предложит пройти в комнату.

Поднявшись из-за стола, Илья нежно обхватил Ольгу за талию, прижал её к себе и поцеловал в маленькое ушко.

– Я тебя согрею, радость моя! – шепнул Илья. Ольга захихикала.

В комнате Ольги было чисто, светло. От запаха Ольгиных духов у Ильи закружилась голова. Они сидели на мягкой кровати и целовались. Потом Илья распахнул Ольгин халатик и стал покрывать поцелуями её молодое красивое тело.

Ольга выгнула спину и постанывала, закрыв глаза.

Когда Илья снял брюки и уже готов был войти в лоно Ольги, как вдруг...

– Илюша, это что у тебя такое? – глаза Ольги были широко открыты.

– Это мой малыш, ты ведь с ним знакома... Что-то не так?

– Какое-то у тебя всё распухшее. Это не заразно?

– Что? – Илья почувствовал, как его достоинство начинает опадать, становясь мягким, и опустил глаза вниз. То, что он увидел, его шокировало. Правое яичко раздулось до невероятных размеров, внешне напоминая грейпфрут. На головке полового члена тоже была опухоль сантиметра два в диаметре.

Илью окатило жаром и бросило в дрожь. Он сегодня несколько раз ходил по нужде в туалет и ничего необычного не обнаружил.

– Похоже, я простудился! Мы в воскресенье на рыбалку ездили... – начал врать Илья.

– Ну-ну... и что-то ты там поймал! – задумчиво произнесла Ольга.

Илья быстро оделся, попрощался. Хотел на прощанье поцеловать Ольгу, но она отстранилась, что ещё больше Илью расстроило.

– Сходи к врачу! – посоветовала Ольга на прощанье.

Приехав домой, Илья первым делом зашёл в ванную комнату, осмотрел своё хозяйство. Никаких улучшений. Похо-

же, опухать начало и левое яичко, а опухоль на члене увеличилась.

«Ну, Федя, ну урод! – думал Илья, чувствуя, как его спина покрывается липким потом. – Специально мне радиоактивный калькулятор подсунул! А может, калькулятор был заражен какой-то болезнью? Стал бы он нормальный калькулятор на столе оставлять? Все в группе Федю ненавидят. Уж не потому ли, что что-то о нём знают? Господи, как страшно!.. Сходить к врачу? И что я ему скажу? Скажу. Что спёр у Игнатьева, у этого лоха, микрокалькулятор, который был облучён радиацией? Нет! Я попробую сначала сам полечиться, а потом... Не хочется думать о том, что будет потом. Может, я и вправду простудил все свои погремушки? Сейчас я сделаю себе компресс, завтра, наверняка, будет легче».

Перед сном Илья сделал себе компресс, смочив тряпочку тёплой водой. На следующее утро яички ещё больше опухли, а пенис стал похож на сухой стручок гороха.

«Что же это за фигня? – думал Илья, а по щекам его текли слёзы. – Я в самом расцвете сил, у меня есть подруга, которая всегда не против, а тут такое уродство!»

Теперь оба яичка Ильи напоминали грейпфруты, а на то, чем Илья раньше гордился, теперь смотреть было страшно.

– Илюша, ты что там, уснул, что ли? – слышался мамин голос из-за двери.

– Мам, я сейчас выйду. Я бреюсь!

Илья попробовал делать себе компрессы с марганцовкой,

с содой, с мёдом. Ни чего не помогало. День ото дня становилось хуже и хуже. Появилась резь при мочеиспускании, ощущение тяжести, а иногда – боли в животе и в мошонке. С ужасом Илья стал замечать, что его грудь увеличивается в размерах, напоминая женскую. Даже случайное прикосновение к соскам причиняло боль.

Илья перестал встречаться с Ольгой и перезваниваться с ней. Какое к чёрту половое влечение, если о бывалой эрекции остались лишь воспоминания.

Ко всему прочему добавились боли в спине, одышка, боль в грудной клетке, кашель и мокроту с кровью.

Когда совсем стало совсем тяжело, когда в одно прекрасное утро Илья проснулся в поту, с высокой температурой, и сильным жжением в промежности, вызвали врача.

Когда приехавшему по вызову фельдшеру Илья показал то, что он раньше называл «мужским достоинством», выдавший виды врач побледнел, и занервничал.

Илья никогда не рассказывал про свою хворь. Он держался до последнего момента и надеялся, что вот-вот станет лучше.

Мама Ильи, увидевшая то, что в детстве её сын называл «пиписькой», упала в обморок.

Илью увезли в больницу, где ему поставили страшный диагноз: рак пениса и яичек в запущенной стадии.

«Как это «в запущенной стадии? У меня всего неделю назад опухать стало! – думал Илья. – Может, это какая-то

ошибка?»

Врачи применяли лучевую терапию, химиотерапию, но ничего не помогало, болезнь прогрессировала. Чтобы спасти Илье жизнь, врачи настаивали на ампутации поражённых тканей.

Родственники недоумевали, как такое могло произойти с Ильёй? Переживала мама Ильи, Вера Сергеевна. Илья был у неё единственным сыном. Переживал отец Ильи, Виктор Семёнович. Он всегда мечтал иметь внуков. Но больше всех переживал Илья. Чтобы не сгнить заживо, ему предстояло лишиться всего того, без чего его нельзя быть полноценным мужчиной.

«Господи, прости меня грешного! Как я буду жить без члена и без яичек?» – плача, взывал к Всевышнему Илья, лёжа на больничной койке и глядя в белый, с жёлтыми разводами, потолок.

Судя по всему, Господь услышал его молитвы. Илья умер после операции, не приходя в сознание.

Илья Угрюмов умер, когда Федя и его сокурсники учились на четвёртом курсе. Все готовились к защите дипломов, поэтому на его смерть мало кто обратил внимание. К тому же, многие знали, что он украл калькулятор у Феде. В группе все были уже на сто процентов уверены, что Федя-колдун,

что у Феди дурной глаз, что у Феди только один друг – Рома, потому, что остальные Федины друзья давно умерли, чем-то рассердив Федю. Вероятно, здоровяк тоже какой-то колдун, которого Федя по какой-то причине не может убить. Но, когда Рому забрали в армию, многие, особенно девушки, которые учились в Фединой группе, стали шушукаться о том, что Федя всё-таки убил своего дружка.

Теперь Федю не только ненавидели, его боялись, страшно боялись. А Феде было всё равно. Он уже устал от своих сокурсников, которые только и делали, что говорили за его спиной всякие гадости о нём и писали на столах оскорбления в адрес Феди.

«Скорее бы закончить этот долбанный колледж! Я начну работать, зарабатывать деньги!» – думал Федя. Он жил с надеждой на скорейшее избавление от серого здания Политехнического колледжа, стены которого давили на него. Он устал от людей, с которыми проучился четыре года, которые Феде не нравились и действовали ему на нервы.

В армию Федю не взяли, хотя он так устал от жизни с родителями, что с удовольствием сменил бы обстановку на год-два. У Феди обнаружили искривление позвоночника и плоскостопие.

– Твоей хребтиной можно дрова пилить, а твоими ногами хорошо тараканов давить на кухне! – бросил тогда председатель военно-врачебной комиссии. Хотя он сказал это шутливым тоном, но эти слова почему-то врезались Фёдору в па-

мать, и он помнил их всю свою жизнь.

Диплом Федя защитил на «отлично», чем был весьма удивлён и обрадован. Преддипломную практику Федя проходил на Гневинском Шарикоподшипниковом заводе. Тема его курсовой работы была «Отопление производственных помещений». Руководитель практики от завода, Василий Иванович Кулешко, всё время где-то пропадал, отгораживался от Феди, ссылаясь на хроническую занятость. Так что все материалы и чертежи для дипломной работы Федя доставал сам, как мог. Защитив диплом на «отлично», Федя очень гордился собой, но в то же время думал: «Не дай мне Бог работать после колледжа на Шарикоподшипниковом заводе!.. Это не просто дерьмо, а полное дерьмо!»

20

В последний день учёбы в колледже всем выдали дипломы, некоторым отличникам – грамоты. Федю просто похвалили за хорошие успехи в учёбе. Он и этому был рад. Больше всего ему хотелось схватить в руки диплом и бежать оттуда, чтобы больше не вспоминать про колледж. По специальности ему работать не хотелось. Но уйти быстро, никем не замеченным, у Феди не получилось.

Юра Пахомов после защиты диплома не находил себе места от радости. «Наконец-то это закончилось! – думал Юра. – Не нужно больше сидеть на скучных лекциях, делать эти

идиотские чертежи, расчеты. Не нужно будет каждый день видеть эти противные рожи, а главное, он больше не увидит этого Игнатьева. Этого надменного, тупого уродца. Кстати, нужно будет сделать ему какую-нибудь гадость на прощание. Чтобы долго помнил».

В последний день, когда Юре должны были выдать диплом, он был на седьмом небе от счастья. С утра он покурил «травки» для поднятия настроения, и сейчас его «пёрло». Когда руководство колледжа поздравляло выпускников, когда всем выдавали дипломы, с лица Юры не сходила блаженная улыбка.

Когда вся группа собралась в коридоре, и все стали решать вопрос о проведении или о не проведении выпускного вечера, Юра заскочил в туалет и выкурил ещё один «косяк». Настроение ещё больше улучшилось.

Вдруг Юра увидел Федю Игнатьева. Федя шёл по коридору, помахивая на ходу своим пакетом с ручками, в котором лежал диплом.

– Федя! Федя! – заорал Юра и побежал за Федей.

– Чего тебе? – спросил Федя, удивлённо глядя на Юру.

– Ты что, не придёшь на выпускной вечер?

– Нет!

– Ну как же так, мы ведь четыре года с тобой учились в одной группе, а сейчас ты уходишь. Может, мы больше не увидимся...

– Ничего страшного! – ответил Федя и продолжил движе-

ние.

Юра стоял и смотрел ему вслед. Он думал, что же можно сделать Феде? Уйдёт ведь сейчас! Когда Федя уже дошёл до лестницы, ведущей вниз, Юра догнал его.

– Федя!

– Ну чего тебе?

– У тебя сзади что-то... на штанах.

Федя остановился, принялся разглядывать свои брюки. В это время Пахомов изо всех сил пнул Федю ногой под зад. От удара Федя потерял равновесие и, наверное, упал бы и сломал бы себе шею об бетонные ступени, но вовремя схватился рукой за перила и удержался на ногах. Боль пронзила ягодицы, но страшнее физической боли была боль душевная.

– Что я тебе сделал? – спросил Федя Юру, но, увидев нездоровый блеск в глазах Пахомова, всё понял.

– Это тебе на долгую память! Чтобы ты долго нас помнил! – Пахомов заржал, как конь, и побежал в сторону своих одноклассников, которые всё ещё стояли в коридоре и обсуждали, куда они пойдут «обмывать» получение дипломов.

– Прикиньте, я Игнатьеву пинка дал!

– Зачем? – спросила Наташа Кадочникова.

– Он надоел мне за четыре года! Вот я и придал ему ускорения, чтобы он быстрее валил отсюда! – Юра продолжал дико смеяться.

– Дурак ты, Юра! Ты не боишься, что он зло на тебя за-таит?

– Сама ты дура, Наташка! А Игнатьева я не боюсь, и ничего он мне не сделает!

Постояв немного в коридоре, обсудив, где будет дешевле отметить получение дипломов, бывшие сокурсники, гордо называющие себя теплотехниками, решили провести выпускной вечер в кафе «Ромашка», расположенное в десяти минутах ходьбы от колледжа. Согласились идти не все, только двенадцать человек из двадцати. Одним было неохота, а другим было жалко тратить деньги.

Новоиспечённые теплотехники прошли по коридору, свернули на лестницу. Все смотрели по сторонам, словно пытаясь запомнить колледж таким, какой он есть сейчас. Многие думали, что больше никогда сюда не вернуться. Когда Федя, прихрамывая и растирая ягодицы, спускался вниз, он думал о том же. Ещё Феде было обидно. От обиды на глаза наворачивались слёзы, но успокаивала мысль, что больше этого не повторится никогда.

«Никогда, – прошептал Федя, оглядываясь на здание Гневинского Политехнического колледжа. – Никогда...»

Спускаясь по лестнице, теплотехники обсуждали, как они собирали данные для дипломной работы, как чертили чертежи.

– А я вообще не представляю, как люди в институтах дипломы делают. Это же такой труд... – Таня Смелова не успела договорить, так как все услышали душераздирающий крик и увидели, как Юра Пахомов катится по лестнице. Докатив-

шись до конца лестничного пролёта, Юра схватился руками за согнутую в колене правую ногу и стал кричать. Бывшие сокурсники обступили Юру со всех сторон. Хотя по предмету «Техника безопасности» теплотехники прослушали все лекции о действиях при несчастных случаях, но сейчас они просто стояли и смотрели на извивающегося на полу, дико орущего Пахомова.

Услышав шум, прибежали преподаватели. Они же вызвали «Скорую помощь». Когда Юру на носилках заносили в машину, он уже не орал. Он плакал. Позже выяснилось, что Пахомов подвернул ногу. Неудачно скатившись по ступенькам, он сломал левую руку, три ребра, правую ногу и получил сотрясение мозга. Историю про выпускника, получившего диплом и переломавшего себе кости, преподаватели колледжа долго потом рассказывали учащимся.

Юра Пахомов потом всю жизнь боялся и ненавидел Федю, считая его чёрным магом. Однажды, много лет спустя, Юра шёл по улице Ленина. У него был отпуск, и он никуда не торопился. Внезапно он увидел Федю, идущего ему навстречу. Страх сковал тело Юры. Не раздумывая, Юра перелез через ограждение и побежал через дорогу на другую сторону улицы. От страха он забыл посмотреть по сторонам. Он уже почти добежал до противоположной стороны проезжей части, но «Джип – Чероки» с номером «666» ехал быстрее, чем Юра бегал. К тому же, после перелома ноги быстро бегать Юра не мог. Быстро приближающиеся две большие

фары и решётка радиатора – последнее, что Юра увидел в своей жизни.

Федя шёл по улице Ленина. В обеденный перерыв он зашёл в кафе, съел салат с кальмарами, пиццу и запил всё это кружкой ароматного кофе. Настроение у него было прекрасное. Когда Федя подходил к офису, он услышал за спиной громкий автомобильный сигнал, скрип автомобильных покрышек по асфальту. Потом Федя услышал звук удара чего-то по металлу и услышал, как что-то упало на асфальт. Обернувшись, Федя увидел джип, стоящий по середине улицы с включёнными аварийными огнями, увидел толпу людей, плотным кольцом обступивших джип. Федя понял, что сейчас кого-то сбила машина, хотел подойти поближе и посмотреть, что там произошло.

«Кажись, кто-то под машину попал. Плохо, если не выживет. Как говорится, дураки умирают по пятницам. Сегодня пятница! Хотелось бы посмотреть поближе, но не могу, перерыв заканчивается», – Федя посмотрел на наручные часы и прибавил шагу.

В кафе «Ромашка» народу было немного, хотя молодые теплотехники думали, что им придется искать другое кафе. Сдвинув вместе три столика, они соорудили один большой стол, и пошло веселье. Коньяк, водка, а потом – вино и пиво,

лились рекой. Из закусок заказывали сосиски, запечённые в тесте, пиццу, шашлыки. Выпускной вечер удался на славу. Несмотря на шок, который все испытали, когда их одноклассник упал с лестницы и пересчитал все ступеньки, сейчас у всех настроение было хорошим.

За разговорами и выпивкой время пролетело быстро. В десять часов вечера был «живой звук». Лысый мужичок с козлиной бородкой пел шлягеры шансона. Каждый из присутствующих парней считал своим долгом станцевать медленный танец с тремя дамами. Из пяти девушек, которые учились в одной группе с Фёдей, до диплома доучились только три: Наташа Кадочникова, Вера Сизова и Таня Смелова. Никто и никогда не уделял им столько внимания. Каждая из них чувствовала себя королевой.

В два часа ночи кафе закрывалось и нетрезвых молодых людей попросили. К концу вечеринки осталось только четверо выпускников колледжа: Таня Смелова, Наташа Кадочникова, Боря Пятаков и Вова Бочкин. Они шли по тёмным улицам Гневинска, пытаясь поймать машину. Но никто из водителей почему-то не торопился останавливаться, чтобы подвести до дома пьяную компанию. Редкие машины с рёвом проносились мимо, даже не притормаживая.

– Пойдёмте сейчас ко мне, продолжим вечеринку! – предложил Вова.

– Хорошая мысль! – кивнула головой Вера.

Когда проходили мимо колледжа, ставшего вдруг чужим

и неприветливым, Боря полез в свой пластиковый пакет. Он долго что-то искал в пакете, покачиваясь из стороны в сторону на прохладном ветру, пока не извлёк из пакета баллончик с краской.

– Ты чего, мля... Боря? – спросил Вова.

– Я долго думал о том, как бы мне... отомстить Игнатьеву. Я сейчас напишу на заборе то, что я о нём думаю!

– Может, не надо, Боря! – с опаской поглядывая по сторонам, спросила Таня.

– Надо! И случай представился... Сейчас я, мля, этому лоху рекламу сделаю.

Боря подошёл к забору, огораживающему спортивную площадку, и начал писать. Его шатало из стороны в сторону, рука была не твёрдой, но, после пяти минут стараний Боря отошёл от забора и с чувством удовлетворения прочитал:

– «Игнатьев – лох»!

Вся компания дружно засмеялась.

– Дай-ка я допишу! – Наташа взяла из руки Бори баллончик и дописала снизу: «Федя – чмо!» и дико захохотала. Такого от неё никто не ожидал. Все стояли и ржали.

– Ой, мля, – вдруг выкрикнула Наташа. – Я вся в краске... Новая блузка... Ну, Федя! Ну, сука!.. Тварь!

На ослепительно-белой блузке Наташи, на пиджаке её нового брючного костюма виднелись большие красные пятна краски.

– Мы тебя не боимся, Федя! – прокричал в темноту Бо-

ря. – Колдун хренов!

В этот момент из-за угла выехал милицейский «Уазик» с включённой «мигалкой». Наташа с Верой, не раздумывая, побежали в разные стороны. Боря с Вовой с тоской смотрели вслед убегающим девчонкам. Каждый из них думал о том, что вечер потерян, продолжение банкета не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.